

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

МООНЗУНД

Валентин Пикуль
Моонзунд. Том 1

«ВЕЧЕ»

1970

Пикуль В. С.

Моонзунд. Том 1 / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1970

ISBN 978-5-4444-8941-3

Роман «Моонзунд» посвящен героическим действиям русских моряков на Балтике против германского флота в канун Октябрьской революции. Однако, по определению В.С. Пикуля, это не только исторический и политический, но и любовный роман.

ISBN 978-5-4444-8941-3

© Пикуль В. С., 1970

© ВЕЧЕ, 1970

Содержание

Часть первая. Прелюдия к Либаве	6
Либавский роман	9
1	9
2	13
3	18
4	23
5	27
6	33
7	37
8	41
9	46
Финал к Либаве	51
Часть вторая. Прелюдия к беспорядкам	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валентин Пикуль

Моонзунд

Том 1

© Пикуль В. С., наследники, 2008

© ООО «Издательство «Вече», 2008

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

И поныне, читатель, корабли редко заходят в Моонзунд; ищущим простора и глубины, им нечего делать на этих сумрачных плесах, которые сжаты дюнами осыпающихся в море призрачных островов.

Не знаю, как сейчас, а раньше еще можно было через толщу вод разглядеть смутные очертания кораблей, навеки опочивших в глубине. Смерть застала их здесь, и они доблестно погибли во славу Грядущего – ради нашего дня, читатель...

В этом романе некоторые исторические имена я сознательно заменил вымышленными. Некоторые же оставил в их точной исторической достоверности.

До победы при Моонзунде нам, читатель, еще далеко.

Сначала мы изведем всю горечь поражения в Ирбенах.

Часть первая. Прелюдия к Либаве

*Я нарочно помянул одни мелочи. Микроскопическая анатомия
легче дает понять о разложении ткани...
А. Герцен. Былое и думы*

Перелистай журналы тех лет – и ничего страшного, опасного для родины не обнаружишь. Казалось, что этот мир нерушим...

Царский адъютант Воейков, как и раньше, рекламировал углекислую «Куваку» из собственных минеральных источников. Кшесинская крутила 32 fouette перед ранеными в госпитале своего имени (на 20 кроватей). По Невскому неслись огненные рысаки, взрывая комья пушистого снега, а в витрине у Елисеева лежала свежая клубника. Последним капризом моды стало дамское манто из шкур леопардов – и дорого и жутко...

Жизнь была чертовски хороша!

Ресторан «Астория» под управлением элегантного Луи Террье обещал в скором времени стать связующим центром русско-французского альянса. Академия художеств «снизошла» и до футуристов, предоставив им свои залы для размещения новейших шедевров, составленных из колечек колбасы, коробок от пудры и собачьих хвостов, отрубленных у бродячих шавок. Иван Степашкин недавно выставил свою обнаженную «Фрину перед судилищем», явно стащив идею картины у покойного Семирадского...

Нет, в мире ничего страшного не произошло!

Трансатлантическую линию по-прежнему обслуживали быстроходные левиафаны «Царь» и «Царица», каждые 12 дней выходящие в Нью-Йорк из Архангельска. А торговый дом «Обюссон» – по традиции – приобретал у петербуржцев старинную мебель, ковры и посуду. Графиня Лаваль распродавала в Петербурге (ставшем теперь Петроградом) участки унаследованной земли и парки. Рубинштейны, Манусы, Симановичи охотно скупали барские особняки, платя за них миллионы. На манеже цирка «Модерн» собачки Дурова обписывали столбик, на котором было начертано: «Берлин».

Н. Евреинов выпустил скандальную книгу – «Театр для себя».

Рысистые бега работали. Конкуры продолжались.

Танго уже танцевали, хотя танец этот и не считался приличным. Среди красавиц особо ценились женщины стиля «вамп» – с гладкой прической, закрывающей уши, с длинными шеями холеных гусынь, с громадными ртами, способными чувственно укусить мужчину сразу за кошелек.

Продажа спиртного была запрещена, но в ресторанах умудрялись загримировывать водку под чай и подавали ее в чайниках. Процветало искусство мелодекламации, много печатался Николай Агнивцев:

Длинна, как мост, черна, как вакса,
идет, покачиваясь, такса,
за ней шагает, хмур и строг,
законный муж ее – бульдог!

«В современной культуре, – писали тогда, – немало грубейших парадоксов. Главный из них – война. Но оставим сегодня войну. Я хочу сказать совсем о другом...»

Табачная фабрика Асмолова рекомендовала русским дамам курить только папиросы «Эклер». Между прочим, вышел в русском переводе роман Г. Манна «Верноподданный», совсем не замеченный публикой. А на смену знаменитой Лине Кавальери приходила новая

вампириша – Вивина Мадзарино, но до России она еще не добралась, и потому русские генерал-адъютанты пока не знали, каков на нее прейскурант... Разве что-нибудь изменилось? Нет! Мир этот нерушим. Однако...

Россия уже выбросила на врага все арсенальные запасы и теперь вступила в новую кампанию почти безоружной. Теперь уже никто, ни Германия, ни Антанта, не рассчитывал покончить с войной одним крепким ударом. Война превращалась в затяжное испытание экономики, сырья, выдержки, нервов. Союзники почти сознательно обрекали Россию на разгром, и русский Ванька кровью оплакивал «чудо на Марне», в грязи болот под Сольдау он спасал от кайзера Париж...

В 1915 году Германия всю мощь своей военной машины, лязгающей сцеплениями концернов и синдикатов, запустила исключительно против одной России. «Пора уже, – говорил кайзер, – всех славян поставить на колени в зловонную лужу позора, чтобы заставить их уважать высокий германский дух!..» Ломая настилы льда, рушились кони в трясины Мазурских болот, жалобным ржаньем заглушая стоны людей. А вдали от Пруссии, в предгорьях Карпат, свершалась вторая трагедия великой и славной армии. Там командиры батарей давали расписку в том, что не истратят в день более двух снарядов на каждое орудие...

– Превосходно! – ликовал «железный» маршал Маккензен. – Мы дадим на стволы наших пушек по 80 выстрелов и устроим русским кровавую баню. Наконец, у нас в арсеналах в изобилии имеется еще и то, чего русские не знают... минометы! огнеметы! газы!

Россия устала от войны раньше союзников. И не только от жертв, – от распутинских министров, от стариков генералов, которые к новым условиям войны применяли музейные приемы тактики. Увы, времена Скобелева, вылетавшего на белом коне впереди марширующих в дыму колонн, давно уже кончились. Буржуазная наука войны переживала период острого климакса. Штабная мысль и дальше, вплоть до 1917 года, будет метаться над картами как угорелая в поисках новых путей к победе и... не сыщет их! Масштабы прежних представлений о войне тоже оказались резко смещены. Россия только пленными уже потеряла 2 миллиона человек; одних лишь дезертиров она имела армию, способную удерживать собою целый фронт... Русский народ еще в 1915 году ощутил себя на краю пропасти.

Лед, лед... всюду лед. До весны вмерзли дредноуты на рейдах Гельсингфорса – за часточками скал и рифов, за постами неусыпной брандвахты. Из Петербурга гудит над Балтикой могучая королева эфира – радиостанция «Новая Голландия»...

На флагманском крейсере «Рюрик» заканчивался обед. Вице-адмирал фон Эссен рывком поднялся из-за стола. Обед, сытный и спокойный, не привел его в состояние благодушия. Даже три бокала мадеры (почти горячей) не подействовали. Следом за командующим флотом поднялись его флаг-офицеры – Колчак и Ренгартен.

– Прошу в салон, господа, – велел им Эссен, продолжая на трапе прерванный за столом разговор. – С началом войны мы призвали из запаса рабочих, хотя и знали, что они принесут на флот бациллу большевизма. Устранить же с кораблей этот опасный элемент мы не в состоянии, ибо хлебобобы флоту не нужны – серое быдло покорно, зато и неразвито. А современная техника нуждается исключительно в грамотных матросах...

Массивная броняжка двери, покрашенная под слоновью кость, без скрипа пропустила за адмиралом его флаг-офицеров. Фон Эссен по-домашнему скинул тесные ботинки, нацепил

плетенные из камыша шлепанцы. Толстый, как бомба, кастрированный котиче ходил вокруг адмирала, избалованно требуя к себе хозяйского внимания.

Эссен пасмурно глянул на карту Балтики.

– Александр Васильич, – спросил он Колчака, – а не принять ли вам от Трухачева славную Минную дивизию и навести порядок в водах близ берегов моей праматери – Швеции?

Капитан I ранга Колчак незримо подтянулся, ответил:

– Боюсь, мое назначение обидит старых заслуженных адмиралов. У меня и без того хватает завистников, считающих меня карьеристом.

Карандаш в руке Эссена задумчиво блуждал над ковшем Рижского залива и вдруг лег поперек Ирбенского пролива.

– Вот оно! – произнес Эссен, причем рыжее лицо адмирала, все в брызгах крупных веснушек, сморщилось. – Именно здесь таится наша судьба... Если мы дадим кайзеру прорваться в Ирбены, тогда падет Рига, а затем сразу возникнет и проблема Моонзунда! Господа, об этом даже страшно думать, будем надеяться на лучшее...

Он отдернул шторы и выглянул через квадратные окна салона на рейд. Денек выдался яркий, солнечный. Гельсингфорс утопал в морозной дымке, золотясь куполами храмов. Между кораблями – по деревянным мосткам с перилами, словно по улицам кустодиевской провинции, – расхаживали матросы-клевщики с финскими хохотливыми барышнями. Над рейдом со стороны катков оглушительно трубили могучие геликоны корабельных оркестров...

– Иван Иваныч, – обратился адмирал к Ренгартену, – а каковы последние вести из Мемеля?

На красивом лице Ренгартена истерично вздрогнули губы:

– Мемель нами взят. Но командир десанта, кавторанг Пекарский, беспробудно пьян. Деклассированные личности, из числа коих составлен отряд, не спасут положения. Среди гатчинцев и балтийцев-штрафников царит повальное пьянство, грабеж имущества, насилие над женщинами... Разве такие подонки способны удержать Мемель? В завершение всего на кавторанга Пекарского опрокинули кухню со щами; облитый жиром, весь в капусте, он... сдал командование!

Вице-адмирал со вздохом отпустил флаг-офицеров.

– Мемель мы потеряем, – сказал он. – Поланген тоже. Гросс-адмирал принц Генрих понимает это, как и мы с вами... В конце концов, все сходится сейчас на удержании нами Либавы.

Фон Эссен завалился на койку. Черный кот запрыгнул на грудь адмирала, обнюхал его рыжую бороду, пахнущую одеколоном «L'origan» и мадерой «Alicante». Командующий Балтийским флотом ласково чесал фаворита за ухом, говоря ему самое потаенное:

– Либаву! Либаву нам с тобой держать надо... Понял ты или нет, мазурик? Ведь от Либавы все зависит сейчас... И даже твоя шкура, паразит ты мой бесподобный!

Либавский роман

Особых достопримечательностей в Либаве нет, если не считать, например, построенный в 1825 году маяк. Но город всегда привлекал к себе людей своим прекрасным положением у моря, своим климатом, своей простотой, напоминавшей деревню.

К сожалению, все изменилось за последние годы, когда массы пьяных матросов, чрезмерное скопление населения и усиленное движение на улицах придают Либаве характер тех торговых центров, из которых хочется бежать. Превжней поэзии уже не осталось...

Из старых путеводителей

1

За брекватером гаванского волнолома – вот уже сколько лет! – качается поворотный буй, весь в лишаях едучей ржавчины, а на нем звонит колокол, предвещающий туманы, суля тревоги и штормы...

Либава – город поэзии маяков и причалов, готических вилл рижских негоциантов, город ромашковых венков, уплывающих в море. Древние лабазы еще хранят в своей сырости неувядающие запахи имбиря и корицы, завезенных сюда со времен герцога Якобы из курляндских колоний – Тобаго и Гамбии. По булыжникам мостовых и поныне сухо громяют телеги ломовых извозчиков, груженные в порту романтической кокосовой копррой. Над Либавой постоянно господствует лишь один ветер – залихватский зюйд-вест, который несет в глубину Курляндии запахи тех сосен, что извечно растут за морем – на берегах Готланда, у стен легендарного Висби...

Боже, сколько очарования! Сколько свиданий и разлук!

А теперь повернись лицом туда, где вода плотно смыкается с небом, и ты увидишь – в скорбной одичалости волн – ползущие тени германских «байернов». Со стороны разбитых крейсерами пансионатов Полангена наплывает по ночам гул артиллерийских дуэлей: это насмерть бьются враждующие соперники, закованные в панцири крупновской и путиловской брони. Беженцы приносят в Ригу слухи – о повешенных и униженных, а ветер прогоняет над Либавою задымленные флотом облака и безмолвные, словно призраки, оболочки кайзеровских цеппелинов.

Впрочем, Либава еще не повержена – нет... Черные баки ее обугленных нефтехранилищ с нескораемой надписью «Нобель» остались на берегу в память о тех днях, когда германские «маркграфы» громили своим калибром заводы и гавани. Либава еще жива: она принимает идущие с моря подлодки, изредка дает у причалов покой усталым крейсерам – «Баяну», «Громобою», «Богатырю», «Олегу» и прочим. На вокзале еще покрикивают поезда, отходящие точно по расписанию.

Весна является сюда из Европы – от Килия, от Куришгафа, от Мемеля. Когда ветер домчит до города запахи тающих льдов, Либава удивительно хорошеет. Буйно начинают свой рост альпийские буки и каштаны, которые к осени устелют все парки хрусткими орехами. И всюду – липы, липы, липы... Даже на гербе Либавы – тоже липа, цветущая, полнокровная, брызжущая зеленой, прохладной тенью.

А на коре одной из таких лип была когда-то памятка:

Клара И. + Сергей А.
Весна – 1915 – Либава

Сколько я бродил здесь, отыскивая эту надпись, и размышлял: «Неужели не было этой безысходной любви?..» Но я знаю, я верю – она была, неожиданно вспыхнувшая на этом берегу. В самый канун грозы и непомерного людского отчаяния.

Когда землечерпалки, углубляя фарватеры, вынули с глубины первые ковши грунта, чтобы превратить сонную Либаву в передовую базу боевых сил Балтфлота, – именно тогда германская разведка послала сюда своего резидента – молодую вдову фрау Мильх, которая и открыла возле базара скромную торговлю книгами.

Фрау Мильх начинала с продажи воинских и корабельных уставов, дешевых сытинских изданий и народных календарей. А сейчас у нее прилавки ломятся от антикварного старья и большой оборот капитала. Жизнь отшумела... Из пикантной дамочки, путавшейся с бравыми кавторангами, фрау Мильх превратилась в почтенную матрону, с грудью такой необъятной, словно форштевень работающего буксира-толкача. Она устала. Устала ждать. Но теперь конец близок – крейсера кайзера уже на подходах к Либаве, и скоро фрау Мильх, выслужив законную пенсию, сможет вернуться в родимый Грайфсвальд, где в буфете еще хранится кофейный сервис прабабушки...

Дверь с улицы имела колокольчик, который предупреждал владелицу о появлении в лавке покупателя. Война – время для торговли книгами невыгодное (требуется сало, водка, бинты, сахар). Сегодня, например, не заглянул еще ни один покупатель. Лишь ближе к вечеру вдруг прозвучал звонок. Из-за пыльной занавески фрау Мильх проследовала в помещение лавки. Сияя отточенной цейсовской оптикой, на обширном полигоне ее груди колыхалась складная лорнетка.

– К вашим услугам, герр обер-лейтенант, – сказала она гостю, наметанным взором безошибочно определив его звание.

Флотский офицер снял перед дамой фуражку, кокарда на которой – словно изумруд, вся зеленая от соли. Нетрудно догадаться, что человек вернулся с моря. Теперь не мешает уточнить – с какого он корабля? Для фрау Мильх уже ясно, что он не с бригады крейсеров, ибо крейсерские офицеры имеют моду носить фуражки с опущенной тульей...

Старший лейтенант слегка поклонился, говоря по-немецки:

– Добрейшая фрау Мильх, последний раз я был у вас еще перед войной... Помните? Взял у вас каталог Таврической выставки.

Последовал величавый жест пухлой руки, хозяйка заговорила, старомодно жеманясь:

– Как я люблю офицеров флота. И как мне жаль их... Бедняжки! В любой шторм... Вчера так грохотал ветер. О, война! Какое тяжкое испытание для всех нас... И когда это кончится?

Она сдула пыль с роскошного переплета, который был торжественно перечеркнут синим крестом андреевского стяга.

– Только для вас... Увлекает даже название: «Нужен ли флот России, и его значение в русской истории». Возьмете?

– Благодарю, – отвечал офицер, едва глянув. – Я и без этой книжки господина Белавенца знаю, что флот России необходим.

– Может, вам предложить что-либо из амурных романов?

– Терпеть их не могу, – сказал офицер, копясь в книгах.

Тогда она подсунула ему серию фотографий известных красавиц: Вера Коралли, Клео де Мерод, королева бриллиантов Наташа Труханова, шансонье Отеро, Вера Холодная, королева танго Эльза Крюгер... Спору нет, все они были соблазнительно-прекрасны.

– Голыми их назвать нельзя, – заметил офицер. – Но обнаженными назвать уже можно...

Фрау Мильх восприняла это замечание как намек. Из-под прилавка она извлекла конверты с наборами открыток:

«Только для мужчин. Последний шик Парижа».

Скромно потупясь, вдовица разложила открытки веером.

– Надеюсь, офицер не откажется от такой дикой прелести?

Лейтенант отвечал женщине, годившейся по возрасту ему в матери:

– Но, судя по всему, это продукция не Парижа, а... гамбургское производство!

«Ну, это уж слишком!» Фрау Мильх даже оскорбилась:

– Объясните же, что вы ищете в моих книгах?

– Меня волнует не порнография, а – иконография.

– Но здесь не церковь, а иконами я не торгую...

Старший лейтенант пояснил, что иконография никакого отношения к иконам не имеет – это подраздел науки исторической, которая изучает старинный портрет и судьбы лиц, кои изображены на портретах.

– Кое-что я нашел как раз по мне. – Офицер вытащил из развала связку четырех томов Ровинского. – Давно искал именно это тиснение, где столбцы описей уснащены петит-гравюрами.

– Сто рублей! – отомстила ему фрау Мильх за все сразу.

– Ну что ж. Возьму... Мне еще нужен второй том морозовского каталога. Знаете, такой громадный томина инфолио? В сером сатинете, а буквы в золоте.

Фрау Мильх не упустила удобного случая, чтобы спросить:

– Я приготовлю... Когда зайдете в следующий раз?

Однако офицер уклонился от ответа:

– Как-нибудь... При случае загляну.

– Вы, наверное, с подводной лодки «Макрель», которая всю ночь не давала мне спать своей нахальной сиреной? Обычно офицеры на субмаринах неразговорчивы. Я понимаю, у них такая собачья служба, что они уже белого света не видят...

– Заверните, – сухо произнес офицер, расплачиваясь.

Фрау Мильх ловко обрезала ленточку на пакете с книгами.

– Обычно, – сказала она рассеянно, – мой магазин доставляет товар на дом. Зачем вам таскать эту тяжесть по городу? Назовите, в какой гавани вы стоите, и моя прислуга доставит пакет... в Минную гавань? Или, может, в Купеческую?

– Благодарю, – откланялся офицер. – Но мы... на рейде!

Выпуская его на улицу, дверь брякнула звонком. Фрау Мильх опустила шторы на окнах. Торговля окончена. День был неудачный. Итак, жизнь отшумела... Без любви, без кухни, без внуков. Дело лишь за крейсерами кайзера, которые в беспощадном грохоте орудийных башен успокоят ее суетливую старость.

А на тихой Шарлотинской – за тем самым костелом, куда офицерские дамы бегают посмотреть на красивого ксендза-поляка, – затаилась старинная кофейня «Под двуглавым орлом», прославленная своей кондитерской кухней. Здесь ко дню тезоименитства императора и его супруги издавна выпекают праздничные торты, похожие на храмы, в пасхальные торжества здесь готовят «патриотические» яйца из шоколада, которые потом круглый год хранятся как украшение на квартирах либавских обывателей. В витринах этой цукерни всегда выставлены корзиночки со свежайшими марципанами.

Старший лейтенант Сергей Николаевич Артеньев отворил бесшумную дверь, и сразу – еще от порога – повеяло ароматом цукатных булочек. В прихожей он оставил пакет с кни-

гами, повесил на раскрылку шинель. Потирая с холода ладони, Артеньев огляделся в гостиной. Сегодня здесь что-то безлюдно. Он присел за крайний столик. Лезвием десертного ножа выразительно постучал в нежно поющую грань хрустального бокала.

– Кельнер! – позвал резко, обратясь к дверям кухни...

В зеркале напротив офицер уловил свое отображение. Виски уже тронула седина, а идеальная белизна воротничка еще больше выделяла серость усталого лица. Глаза были съедены солью – красные, словно у алкоголика с похмелья. Да-а... Последний переход от маяка Риксгефта, что возле Данцига мигал по расписанию только кораблям германским, – этот переход дался команде нелегко. Всяко было в прошедшую ночь, и роковой след пузыря от вражеской торпеды, – этот след лишь случайно прочертил за кормой эсминца. Артеньев почти любовно коснулся очаровательной белизны кувшина для сливок. Ведь не успеи они вчера отработать левой машиной, и эта белизна фаянса уже никогда не приласкала бы его взора...

– Что угодно господину лейтенанту? – раздался голос.

Артеньев обернулся и невольно привстал. Перед ним стояла кельнерша, незнакомая ему по прежним посещениям кондитерской. Это была обворожительная, цветущая здоровьем женщина, вся в хрустящем ворохе кружев. Губы ее трепетно улыбались, а глаза (ах, какие это были глаза!) оставались слегка печальны.

– Кофе, – сказал ей Артеньев.

– Коньяк? – тихонько предложила она.

– Нет. Меренги. Если свежие.

– Странно.

– Что вас удивило?

– Моряк и... без вина?

Артеньев мельком глянул на плакат военного времени, висевший над ним: паровоз Германии улетал во вьюжную ночь России, машинист-кайзер вел его прямо в пропасть, а лопухий кочегар, принц Генрих, лопатой швырял в ненасытную топку батальоны, дредноуты, пушки...

– Видите ли, – отвечал Артеньев, откровенно любуясь красотой кельнерши, – флот России достаточно велик, и каждый корабль этого флота имеет свои собственные традиции. На нашем корабле нерушима заповедь: пить поменьше и... лучше пить на корабле!

– Entschuldigen Sie, bitte¹ – засмеялась женщина, – в таком случае есть корабли, на которых пьют как можно больше?

– Есть и такие, майн херц, – согласился Артеньев...

На искристой от крахмала скатерти, как отличный натюрморт, была вписана желтизна лимона и розовая мякоть воздушных меренг.

– Простите, фрейлейн, – спросил Артеньев, коснувшись платком коротких усов, – отчего я вас никогда здесь не видел? Наверное, вы нанялись в услужение сюда недавно?

– Совсем недавно.

В разговоре выяснилось, что кельнершу зовут Кларой Изельгоф. Артеньев осторожно осведомился – кто она: латышка или... немка?

– Я не способна точно ответить на ваш вопрос, – отвечала женщина, – ибо у меня в роду были даже таборные цыгане.

По-русски она говорила чисто – безо всякого акцента.

– Пожалуй, я принесу для вас коробочку марципан. По нашим временам это такая редкость. А мы используем для них еще добротные довоенные запасы...

– Не стоит беспокойства, фрейлейн. Они у меня быстро засохнут, а в каюте и без того полно тараканов.

¹ Извините, пожалуйста (нем.).

За стеклом витрины быстро завечерело. Мимо цукерни, держа путь в синагогу, гуртом прошли старые иссохшие евреи, и, глядя на них, Артеньев вспомнил, что сегодня суббота, а значит, на корабле проверка боезапаса. К театру проносились коляски, в отдалении безнадежно свистел городской да тошно выла от гавани подлодка («Макрель», если верить фрау Мильх)... Артеньев потянулся к фуражке. Кельнерша подала ему пакет с книгами.

– Не забудьте, – сказала с заботливостью.

– Благодарю вас, фрейлейн. Благодарю за все...

Дать ей «на чай» он как-то постеснялся. Если бы Клара Изельгоф была не так красива, он бы дал. Но стыдно совать лишний полтинник в эту прекрасную руку, на которой драгоценный браслет свидетельствует о вкусе женщины и ее состоятельности.

– Мы иногда заходим в Либаву, – сказал он. – Но у меня здесь никого нет: я – петербуржец... Может, вы доставите мне удовольствие еще раз встретиться с вами?

При этом ему стало неловко, что он, заслуженный офицер флота, как последний мичманец, навязывает себя в знакомство. Не дожидаясь ответа, он обозленно щелкнул кнопками на перчатках.

– Я не всегда бываю свободна, – отозвалась Клара не сразу. – Но сегодня у меня вечер как раз не занят.

– Ах, какая досада! – огорчился Артеньев. – Он не свободен сегодня у меня. Я должен вернуться на корабль...

Артеньев покинул кофейню «Под двуглавым орлом» и, шагая в гавань, похвалил себя за то, что нигде и ни разу не назвал имени своего корабля. Либава (об этом предупреждали) была битком набита германскими шпионами.

2

Вся история человечества – неустанное стремление к скорости, к нарастанию поспешного бега в будущее. Со времен незапамятных человек старался побеждать замедленность своей жизни. Оттого-то и ценились арабские скакуны, многovesельные галеры, высокая парусность чайных клиперов. Покорение пара и электричества лишь ускорило эту гонку – за мили и метры, за часы и минуты. Бог войны Марс с высоты своего величия презрительно взирал на людскую спешку и все самое быстрое тут же отбирал для своих нужд – нужд воинственных, нужд убийственных. Мотоциклы еще не успели войти в спорт, как германцы уже водрузили на них пулеметы. Аэропланы еще не научились перевозить пассажиров, зато они уже умели сбрасывать на головы людей бомбы.

А за три года до войны в России произошло событие, о котором еще не раз будут вспоминать наши историки... Со слипов Путиловского завода петербургские умельцы спустили на воду корабль, получивший наименование «Новик» (так в старой Руси называли новобранцев). Впервые в русском флоте корабль питался одним мазутом, а раскаленная лавина пара неудержимо бросалась на ювелирные лопатки турбин. «Новик» проходил испытания на «мерной миле» под Ганга. Приемная комиссия заполнила крылья мостика, следя за стрелками тахометров. Выше скорость, выше... Казалось, что турбины на разгоне оборотов разлетятся в куски. Мелко вибрируя, эсминец легчайше вспарывал волну. И – ни буруна под форштевнем! И – ни каскада за кормой! «Новик» летел, как в сказке, не нарушая маскировки движения, – он шел без пены...

– Дадим еще, – решили тогда на мостике.

Стрелка лага шагнула за 33 узла. Невероятно!

– Британский истребитель «Свифт», – рассуждали офицеры на мостике, – год назад дал рекордную скорость в тридцать пять узлов. Господа, не рискнуть ли прибавить еще давление на турбины?

Прибавили – «Новик», словно играючи, побил рекорд мира (репитеры лага устойчиво держали 35 узлов). Тогда командир эсминца решительно толкнул рукоятки телеграфа, и стрелки тахометров потянулись дальше. Неустанно щелкал лаг, отбивая на табло ритм наращивания скорости. Палуба ходила ходуном, на пружинах амортизации тряслись в рубках приборы... Результат – 37,3 узла!

– Ура! Самая высшая скорость мира принадлежит России...

Вместе с бескозырками матросов взлетали в небо, уносимые ветром (и навсегда) кепчонки и картузы путиловских мастеров, гордых своей победой. А потом, когда пришли в Гангэ, командир получил телеграмму – не поздравительную, а трагическую. Оказывается, разведенная эсминцем ходовая волна, почти невидимая с мостика, неслышно подкралась к далекой земле; она обрушилась на берег, разворотила причалы, сорвала со швартов катера и унесла в море детей, игравших на пляже. Командира судили, но суд его оправдал: «Новик» не виноват – корабль сам не знал своей мощи...

А потому и не стоит болтать, что ты служишь на «Новике». Лучше молчать, ибо немцы за этим кораблем давно охотятся.

На сходне Артеньев, по должности старшего офицера, принял рапорт от наружной вахты. Происшествий нет, по правому борту эсминец имел баржу, с которой пересасывал в свою утробу мазут.

– Командир не отлучался?

– Никак нет. В салоне.

– Добро. Вольно.

– Вольно! – репетовали команду, свистя на дудках.

И все живое, что до сего момента застыло в шеренгах, стоя лицами внутрь корабля, – все живое и полнокровное опять задвигалось, затрещало на трапах робами. «Вольно!..»

Старший офицер – это дракон, это шкура, это сволочь. Если командир – хозяин только корабля, то старший офицер – полицмейстер команды и владыка кают-компании: здесь таится «квадратура круга» его власти. Старший офицер – это цепной пес суровой и железной флотской логики, в которой нет середины, а есть только крайности.

Но старший лейтенант Артеньев, хотя и занимал такую собачью должность, шкурой и сволочью никогда не был. Раньше, когда он числился старшим артиллеристом эсминца, ему пришлось работать бок о бок с матросами, налаживая сложную огневую мощь корабля, а работа всегда сближает людей. Оттого-то и отношения Артеньева с командой были равными, не беспокоящими лишней нервозностью ни его самого, ни его подчиненных. Рукоприкладства на «Новике» не знали, в чем немалая заслуга Артеньева. А ведь не секрет, что на бригаде линкоров у матросов зубы пачками вылетали. Но это уж их дело – «линейное», парадное; дредноуты больше борта у стенок протирают, а на эсминцах люди плавают, – и война, она ведь тоже сближает людей, делая их проще, покладистей.

В каюте Артеньев переоделся в рабочий кителек, навестил минера эсминца – лейтенанта Игоря Мазепу. Как водится на флоте, обращение в чинах между офицерами презиралось, на русских кораблях издавна принято звать людей по имени-отчеству или... по кличке. Мазепа за свою узколобую приверженность украинофилам имел негласное прозвище – «Щирый».

– Игорь Витальич, что с третьим торпедным аппаратом?

– Сменил среднюю торпеду. Вода съела тавот, пошла по корпусу ржавь от рулей. Лучше сменить, чтобы не рисковать.

– Верно, Лили Александровна еще не подкатывала?

– Да нет, – отвечал Щирый. – Наверное, подъедет...

Лили Александровна – это наказание господне для всего эсминца. Она жена командира «Новика», каперанга фон Дена. Жены частенько бывают на кораблях своих мужей, иногда (в нарушение уставов) остаются даже ночевать, и это бы ничего. Но Лили Александровна фон Ден, урожденная баронесса Фитингоф, была близкой подругой императрицы, принадлежала к окружению Распутина. И никогда не знаешь, какой гадости можно ожидать от этой внешне respectable, уже седеющей красавицы.

Из каюты минера – вдоль дорожки текинского ковра – Артеньев цепким шагом проследовал в кают-компанию. В углу, закинутый бледным тиком, дремал рояль. Темно-вишневые панели красного дерева отражали в своей глубине рассеянные блики бра, укрепленных по бортам. От абажуров розового шелка, что качались над столами, проливался успокаивающий свет. На диване, обложившись красочными выпусками журнала «Столица и усадьба», сидел артиллерист эсминца лейтенант Рафаил Петряев. Рослый блондин с раздвоенным от сытости подбородком, он упивался видом фешенебельных гостиных и снимками петербургских красавиц.

– Живут же где-то люди, черт побери! – сказал он с завистью обнищавшего шляхтича. – А тут болтаешься, как шар в бильярде: от левого угла да в правую лузу. Ты посмотри, какие женщины!

– Не канючь, папочка, – ответил ему Артеньев. – Плюнь. Все в жизни разложено по полочкам: одни в каюте, другие в будуаре.

– Нет, но ты посмотри, какие женщины!

– А я – практик, – сказал Артеньев. – И на чужую мутовку никогда не облизываюсь...

В самом деле, сыну учителя гимназии не пристало задаваться. И нечаянно вспомнилась квартира в Петрограде, с отсохшими обоями, с разбитым паркетом; за окнами, всегда мутными, течет тягучая, как нефть, вода в канале. А за каналом красный кирпич стен Экипажа, почти тюремной кладки, за которыми извечно пели флотские горны, будя еще с детства надежды, что есть широкий мир...

В офицерском буфете вестовой Сашка Платков перетирал к ужину хрусталь, остервенело швырял в лохань корабельное серебро ножей и вилок. Сергей Николаевич сказал ему:

– Зябко что-то. Плесни мне казенного...

С рюмкой мадеры в руке он вернулся в кают-компанию:

– Новости с моря есть?

– Одна. Препоганая новость, – ответил Петряев. – Немцы готовят к спуску серию миноносцев, боевые качества и скорость которых идентичны нашему славному «Новику».

– Ну что ж, – сказал на это Артеньев. – «Новик» только первенец, скоро родятся ему сестры и братья. У нас тоже готовы к спуску на воду однотипные нам «Гром», «Изяслав», «Автроил», «Гавриил», «Азард», «Забияка» и прочие. Я думаю, что если немаки дадут одинаковую с нами скорость, им все равно не совладать с нашей превосходной артиллерией...

Послышался свисток наружной вахты – от сходней.

– О! Это наша мать-командирша, – сказал Артеньев...

Он поднялся наверх. Возле причала стояла коляска на дутых шинах. С помощью вахтенных через сходню уже перебиралась на эсминец стройная дама, серебристые соболя струились с ее покатых плеч. Артеньев на палубе подал ей руку:

– Палуба полита мазутом, не поскользнитесь. И приношу извинения, что встречаю вас в этом кителе... Я слышал, что вы были в Москве? Ну, какова жизнь в первопрестольной?

– Кто бы мог подумать! – трагически отвечала госпожа фон Ден. – Один эклер у Трамбле стоит теперь гривенник. И ввели дурацкие карточки на сахар за обязательной подписью генерала Шебеко. Отныне москвичи разговаривают на языке каторжан: «Я получил пайку, а ты съел пайку...»

– Это смешно, – заметил Артеньев, не улыбувшись.

– Это ужасно! – ахнула дама. – Я пошла к Ваде Шебеко и говорю ему: «Вадим Николаевич, я же не арестантка, чтобы жить вашей пайкой». Он не стал спорить и выдал мне сахарные карточки на три года вперед. Громадный такой лист – величиной с газету «Вечернее время». Теперь я спокойна... до самой победы я спокойна!

В преддверии командирского салона – тишь да благодать. Тревожные возгласы металла, поющие надрывы машин, визги лебедек на развороте, фыркание нефти в шлангах и раздраженные звонки телефонов – ничто не доносится сюда, в эту святая святых корабля.

– Карл Иоахимович, – сказал старший офицер, пропуская жену командира в салон, – Лили Александровна нас не забывает...

Из кресла поднялся командир «Новика» – капитан I ранга фон Ден, высокий человек с унылым лицом (тонкое пенсне на его носу казалось мало совместимым с его боевой должностью).

– Благодарю за лубезность, Сергэй Николаэч, – произнес он с акцентом природного ревельского барона. – Вы свободны, если предполагать, что в этом мире вообще существует свобода.

В каюте старшего офицера одна из переборок, – сплошь в книгах. Вестовым дан приказ: «Не прикасаться!» За время службы Артеньев ударил матроса только единожды, когда тот, в порыве услужения, мокрой тряпкой полез протирать матерчатый переплет дягилевского тома о живописи Левицкого... Ударил крепко – по зубам!

Давно известно, что каждый на Руси сходит с ума на свой лад, не в пример немцам, которых всегда охватывает массовое сумасшествие. Артеньев считал, что, не будь он морским офицером, из него удался бы хороший хранитель музея. Любовь к искусству прошлого, особенно – к русскому портрету, всецело заполняла ту часть души его, которая не была занята службой. С началом войны возникла даже сердечная рана: случись, «Новик» потопят немцы и можно спасти себя, но... книги? Однако с книгами расстаться не мог – плавал вместе с ними, будь что будет.

Он недолго любовался столбцами описей Ровинского, вскоре услышав, что от эсминца отвалила баржа, а трюмные матросы с шуршанием скатывали через палубу рукава мазутных шлангов.

– Леончик, – сказал Артеньев в телефон, – зайди-ка ко мне...

Явился его приятель, инженер-механик эсминца Леонид Александрович Дейчман, стареющий холостяк флотского запаса, вырванный войной из сытой дремоты конотопского хутора, где он оставил возлюбленные им грядки с редькой, укропом и огурцами.

– Сколько приняли топлива? – спросил его Артеньев.

– Недобрали тридцать тонн. Сосали до тех пор, пока с днища баржи не полезла грязь через фильтры.

– Кстати, почты не было? Газет? Что на фронтах творится?

– Газеты изолгались, – сказал Дейчман. – Впрочем, мы не скорбим от поражений и не ликуем от побед: источник наших настроений – дадут нам водку или нет? А ты чего грустен?

– Да так... не пойму сам. Между прочим, я сегодня «Под двуглавым орлом» встретил одну женщину. И не выходит она у меня из головы. Даже читаю вот, а... думается о ней, вспоминается!

– Вопрос первый, – сказал Дейчман. – Чья она жена?

– Не хочу тебя смешить, Леончик, но... Так и быть, можешь смеяться: она служит кельнершей в этой кондитерской.

– Значит, не графиня... та-а-ак. – Разумный Дейчман рассуждал слишком разумно: – Офицерский корпус его величества имеет свои жестокие законы. Если Бискупскому не простили женитьбы на знаменитой Вяльцевой, то... пусть эта кельнерша останется между нами. Мне сказал, как другу, и больше никому не сигнал.

Аргеньев смущенно отшутился:

– Но я же не собираюсь жениться. Просто интересная женщина... Чего ты хочешь? И вообще, милый, вокруг этой дамы, как я догадываюсь, поставлена густая дымзавеса таинственной неизвестности.

– Тебя, чернокнижника, надобно просветить, – сочувственно заговорил механик. – Вон мичман Кара-Динжан с угольного «Разящего». Списали его вчера на берег с дымом, с треском и ужасной копотью.

– За что списали?

– Люэс... Не признается, под каким «Орлом» он его сцапал – под двуглавым или... Но люэс местный. Либавского происхождения. Так что будь здоров, Сереженька, и бросай свою кельнершу, пока не получил пробоины ниже ватерлинии...

Эсминец сильно качнуло на волне, разведенной близко прошедшими тральщиками. Свежий ветер раздул пузырем шторы над иллюминатором. Дейчман кивнул вверх – к стальному подволоку, над которым размещался салон командира.

– А эта кайзерина... там? – спросил со значением.

– Да. Между нами говоря, я не понимаю Карла Иоахимовича. Как можно продолжать супружескую жизнь, если ему отлично известно, что жена его состоит в распутинском окружении?

– Это ты не понимаешь. А есть люди, для которых карьерные соображения дороже святости семейного очага. Ты посмотри, – сказал Дейчман, – какие хваты обретаются в штабе Эссена? Однако Эссен не дает им ходу дальше каперанга. А наш фон Ден скоро получит черного орла на погоны... А может, и аксельбант привесит.

– Ну, это слишком! Еще бы перо ему вставить и посадить с женою на крышу трамвая...

Дейчман поднялся, зевнув:

– Ладно. Пойду. Мне снова не спать – две трубки потекли в третьем котле. А с нашей командиршей будь настороже. Помни, что у нее имеется еще кузен, барон Фитингоф, который на «Гангуте» сейчас матросам гайки завинчивает... Понял?

– Боюсь, плохо кончится, – ответил Аргеньев обеспокоенно. – На флоте есть только одна гайка – это долг перед отечеством, и вот эту гайку я согласен завинчивать до упора. Но если я вижу, что матрос расхристался, так это я как-нибудь переживу. В конце концов, люди устали от войны. Не желает матрос бушлат на себе застегнуть – ну и черт с тобой, не застегивайся!

– Я тоже такого мнения, – согласился инженер. – Но это мы... мы с тобой воюем. А есть корабли, с которыми возятся, как нищий с писаной торбой. Их прячут от врага, но показывают царю! Там все гайки уже пришли в движение. И матросы от этого воют...

Аргеньев раньше времени лег спать. Задремывая, он слышал возглас с палубы: «Почта пришла!» Еще разок вспомнил он красивую кельнершу – всю в кружевах, пахнущую миндалем... Заснул крепчайше – под яростное фыркание виндзейлей, под гнусавое сипение магистралей, в артериях которых корабль неустанно качал горячее, пар, воду горячую, воду забортную.

Среди ночи к «Новику» подошел посыльный катер, штабной офицер передал на эсминец пакет, вскрыть который следовало на траверзе Полангена... С этим пакетом в руках Аргеньев поднялся в салон. Под пальцами неприятно дребезжала пластина двери: дру-дру...

– Карл Иоахимович, – доложил он фон Дену, – нами получен приказ: вытягиваться в Минную гавань. С нами идет полудивизион особого назначения в составе миноносцев – «Охотник», «Пограничник» и «Сибирский стрелок».

За бархатным пологом алькова раздалось слова, сказанные по-немецки, и Артеньев хорошо расслышал их:

– Берем мины. Наверное, снова идем под Данциг. Одевайся же, мое сокровище, поскорее: теперь здесь тебе не место... В случае чего, знай, что могила твоего мужа возле минной банки Штольпе!

Коляска на дутых шинах отъехала от причала, а «Новик» на малых оборотах винтов потянулся в черную пропасть Минной гавани, где всегда царили страх, риск, опасность, строгость. «Но зачем? – думал Артеньев. – Почему фон Ден сказал, что мы идем опять под Данциг? Ясно, что к утру будем на банке Штольпе... Во проклятый дурак! Во проклятое место!»

3

На корме эсминца палубные рельсы обрываются в море. Кормую «Новик» и подошел сейчас под минный причал. А на причале – тоже рельсы (узкие, как у однокорейки), они тянутся по земле вдаль, прямо в распахнутые ворота минного пакгауза. Сейчас в мелькании карманных фонарей, в молчаливой суровости, минеры выкатят первую мину, вторую, третью... Еще никогда возня с минами не улучшала настроения тем людям, которые с ними общаются. Возишься с нею, как с младенцем, и пока не спихнешь за борт – покоя тебе не будет... Фон Ден стянул под бритым подбородком ремешок фуражки:

– И сколько берем этого барахла?

– По девятнадцать на борт, итого тридцать восемь.

– Какая мерзкая слякоть летит с неба. Ужасно, ужасно... Сергей Николаич, ради моего спокойствия пройдите к пакгаузу.

Под ладонями с поручней трапа сползала каша мокрого снега. Из мрачного склепа пакгауза матросы – плавно и осторожно – уже выкатывали первую мину. Громадный кругляш ее был укреплен на тележке якоря, и мина сейчас напоминала дурацкий вагон, который дергался колесами на стыках рельсов. Артеньев заметил, что это была мина нового образца «тип 08 (15)», обладавшая страшной разрушительной силой, способная ломать днища крейсеров. От пакгауза еще издали слышался возбужденный гул матросских голосов.

– Что за аврал здесь? – прикрикнул Артеньев, входя.

Минер эсминца лейтенант Мазепа тоже был здесь.

– Ненюков тут баланду разводит, – сообщил он старшему.

– Ненюков!

– Есть. – Перед Артеньевым выросла фигура матроса, в «штате» которого на рукаве была изображена рогатая мина. – Никакой баланды нет, ваше благородие. Спорим вот... Письмо получил из дому. Из деревни, значит. Тетка моя, Марковна, мужа с фронта дождалась. Ни рук, ни ног – так исправно всего обтесали, хоть в рамочку и на комод ставь, чтобы любоваться... Вот и спорим тут с ребятами!

– Спорить нечего. Человек пострадал за отечество...

Матросы опять загалдели, один подскоком уселся на мину, прямо посреди ее страшных рогулек, махал руками, рассуждая:

– Убить твою тетку мало! Разве можно так с инвалидом?

– Ненюков, а что твоя тетка сделала с калекой-мужем?

Минер охотно пояснил старшему офицеру:

– А ничего не сделала... Посадила уroda на телегу и отвезла в уезд, прямо к воинскому начальнику. «Вот, – сказала там, – брали вы его у меня с руками и ногами, а обратно в порядке не вернули...» Пихнула сокровище это на лавку, а сама – в деревню.

– Как можно? – возмутился и Артеньев. – Защитника страны?

– Очень даже можно, – со злобою отвечал минер. – Потому как четыре рта уже разеваются. И туда – только кидай, словно в кочегарку худую... На што тетке моей пятый рот?

Артеньев вдруг поманил Ненюкова к себе пальцем:

– Ближе, ближе ко мне... Ну-ка, дыхни на меня!

Ненюков дыхнул вбок, но офицера не обманул.

– Где надрызгался, скотина? Говори – где взял?

– Да тут вот... недалеко за гаванью. Бабы торговали.

– Если не все выпил, вылей за борт. Сосешь заразу всякую! Лейтенант Мазепа, после похода Ненюкову – карцер. На всю железку!

– Есть карцер Ненюкову! Продолжать погрузку, черт бы вас побрал! Разве за всеми вами уследишь?..

Тридцать восемь мин поставили на рельсы эсминца. Принайтовили к палубным рымам, чтобы не дергались на качке. Заботливо укрыли каждую клеенчатым чехлом, чтобы вода и снег не растворили в ней сахар². «Новик» уже мелко дрожал, весь в нетерпении, словно горячий рысак перед скачкой. Под настилом палубы мягко содрогались турбины, а ревы мощных воздуходувок сотрясали тишину Минной гавани. Горячие ветры, вырываясь из машинных низов, словно из кратера вулкана, слоями перемещались над кораблем.

Артеньев, хватаясь за поручни, взлетел на мостик:

– Карл Иоахимович, можно отдавать кормовые концы...

Не спеша вытянулись за волнолом. Первая волна пробежала от носа до кормы. Слизнула с палубы остатки мазута и квашню истоптанного снега. Ветер, пружиня, раздувал брезенты над минами.

– Пошли! – стали креститься на мостике. – Господи, будь к нам милостив, помоги нам, боже милосердный. Смилуйся ты над нами, пресвятой Никола-угодник, хранитель всех плавающих...

Мелькая уютными огнями, пропадала Либава в темени, и никому уже не верилось, что где-то есть улицы, шумят ночные рестораны, танцуют женщины и ложатся люди спать – в мягкость постелей, с вечерней газетой в руках... «Новик» узким клином входил между волн, торопливо поглощая смятенное пространство.

Далеко в море последовал доклад от сигнальной вахты:

– По правому крамболу – четыре шашлыка!

Мачты кораблей с их надстройками, медленно выступая из-за горизонта, и в самом деле напоминают шампуры, на которые нанизаны куски мяса. Встреченный в море полудивизион (тоже с грузом мин на борту) вышел из порта Виндавы и примкнул к «Новику»... На траверзе Полангена вскрыли пакеты: штаб приказывал развернуться для постановки мин на коммуникациях противника возле Данцига. Куда идут корабли – матросам никогда не сообщали.

Ближе к рассвету на мостик позвонили с торпедных аппаратов:

– У нас беда! Ванька Ненюков ни хрена не видит... ослеп! Мы стащили его с кресла наводки... Что делать?

² Сахар соединяет мину с тележкой ее якоря. При растворении его в воде мина отделяется от якоря, всплывая на заданную глубину и автоматически приходя в боевую готовность. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Сергей Николаич, – отозвался фон Ден, обращаясь к старшему офицеру, – пройдите, любезный, в пятую палубу, выясните.

На обледенелом настиле палубы ноги выписывали вензеля. Артеньев с трудом добрался до кормы. Пролез через люк в пятый отсек, где селились нижние чины минной службы. Ненюков сидел в кубрике на рундуке, тупо глядя перед собой... Артеньев спросил его:

– Что ты лакал сегодня, собака? Покажи мне бутылку.

Волна вздернула корму эсминца на гребень, под палубой с грохотом бились гребные валы. Ненюкова шарахнуло в сторону, ударив о стойку пиллерса. Артеньев сам распетлял шнуровку его чемодана, среди матросской хурды обнаружил бутылку. Никакой этикетки на ней, конечно, не было. Понюхал сам и передал бутылку матросам:

– Нюхните и вы... Что здесь? Политура?

– Ликер из табуретки, – ответили ему. – От него дохнут...

Держа в руке бутылку, источавшую резкое зловоние, Артеньев испытывал и жалость к матросу, и страшную злость.

– Вот этой бы бутылкой, – сказал, – да по башке тебя...

По трапу, весь мокрый, скатился лейтенант Мазепа.

– Ну что? Отвоевался? – накинулся он на слепнувшего. – Снимаю тебя с боевого расписания. Проваливай до родимой деревеньки. Может, там тебя тетка отвезет на телеге куда-нибудь до первой канавы... Ложись на рундук! Лежи...

– Привязать его, – распорядился Артеньев. – Иначе швырнет на качке с рундука – ногрук не соберем.

– Братцы вы мои! – вдруг завопил Ненюков. – Да што же это деется? Ой, братцы... лучше бы меня убило...

Рыдающего минера вязали шкертами к рундуку, а он извергал то молитвы к всевышним силам, то самую черную матерщину. И в этот момент звончайше – так, что мертвецы подымутся из гробов! – ударили по всем отсекам эсминца призывные колокола громкого боя.

– По местам стоять – тревога, тревога, тревога!

Напором ветра толкнуло промерзлую рынду, и медь колокола гудела на ветру – нестерпимо щемяще... Эсминцев полудивизиона было не видать: они спешно отвернули, полосы дымов их растаяли, словно легкие мазки акварелью. А из предрассветной мглы резко и зловеще выступали сразу пять вражеских силуэтов. Сейчас уже все на «Новике» видели, как впечатались в горизонт узкие зализанные тени германских крейсеров. На мостике сразу стало тесно, шумно, галдяще. И пожилой сверхсрочник кондуктор Хатов, стоя за штурвалом «Новика», сказал с непонятной яростью:

– С поздравкой всех нас! Вляпались, как дачники... Сейчас немаки будут нам собачью свадьбу играть...

С дальномера гальванеры уже исправно подавали дистанцию:

– ...сорок три, сорок два, сорок один... Противник резко идет на сближение!

Срываясь ногами по скобам трапа, на визирную площадку залезал опоздавший спросонья Петряев, и Мазепа с мостика треснул его ладонью по сытой вертлявой заднице:

– Быстрей работай, папочка. Шевели мослами...

– Человек за бортом! – вдруг резануло почти вопельно.

Каперанг фон Ден быстро отреагировал:

– Бросьте круг для очистки совести, и... лежать на курсе!

В отдалении выплеснуло из воды последние взмахи рук, и море тут же сомкнулось над человеком. На телефонном расблоке Артеньев щелкал переключателями, опрашивая наруж-

ные посты: «Кто выпал?» Но посты отвечали мостику, что у них составы полные, потерь нет. «Новик» шел на виду германских крейсеров, прикрывая отход полудивизиона. При наличии минного груза на палубах миноносцы уже не могли стрелять – ни торпедами, ни артиллерией. «Новик» сейчас в том же гиблом положении, однако орудие носового плутонга можно ввести в бой... На полубаке, расставив ноги, стыли на ветру комендоры, упругий свежак открытого моря балахонисто вздувал их широченные клешни... Крейсера отворачивали на пересечу.

Вдавив свое лицо холеного барина в каучуковую оправу визирной оптики, лейтенант Петряев истошно выкрикивал:

– Головным «Принц Адальберт», за ним бронепалубный «Мюнхен»... «Аугсбург», следом – «Роон», а концевым «Тетис»... Товсь!

Первые снаряды пристрелки взмутили воду на перелете. Вторая серия рухнула под левой скулой «Новика». Эсминец замер, вздрогнув всем телом, и, отряхнув с палубы тонны воды, пошел дальше.

– Карл Иоахимович, не пора ли менять курс к повороту?

– Не спешите умирать, – отвечал фон Ден помощнику. – Что нам даст поворот? На циркуляции мы потеряем половину залпа.

– Но мы же не сделали еще ни одного! – возмутился Артеньев.

– А стоит ли? – неожиданно прозвучал вопрос каперанга...

Гнусаво проблеял под козырьком мостика ревун. Следом за ним бравурно выстрелила носовая. На залпе людей осыяло желтым восковым пламенем. Полыхнуло жарким дыханием порохов.

– Кто давал приказ? – заорал Ден, перевесясь с мостика через поручни.

От носовых орудий, выбивая из ствола пушки дымно воняющий унитар, ему отвечал старшина орудия, весь опутанный проводами:

– Приказ и ревун даны с дальномера!

Фон Ден задрал лицо к визирной площадке:

– Лейтенант Петряев, сейчас же задробите дистанцию. Или вам кажется, что здесь маневры?

Грудью преодолев напор ветра, через мостик шагнул Артеньев:

– В чем дело? Данные верны – накрытие с первого залпа...

– Лучше обратитесь в корму, – огрызнулся командир «Новика».

Тридцать восемь стальных шаров, до предела натисканных могучей взрывчаткой, болтались на рельсах эсминца. Один осколок в размер ногтя – и этого хватит, чтобы «Новик» со всей его командой превратился в раскаленное облако газов.

– Я не имею права рисковать кораблем, – продолжал фон Ден. – Мне доверено сто двадцать молодых жизней. В том числе и ваша, старший лейтенант... Разве это не по-христиански?

Петряев нарушил приказ, и второй залп носового плутонга напористо шибанул всех ударом пламени. С носа Дена сорвало пенсне.

– Довольно спорить, – сказал он. – Мы давно в кольце!

– Прорвемся! – озлобленно отвечал Артеньев.

– Это безумие...

– Безумно – думать иначе. Продолжать огонь!

– Прекратить огонь! – настаивал фон Ден. – Я не могу принять боя с грузом мин на борту.

Это лишено смысла... Сигнальщики!

И фон Ден сам кинулся к этажеркам кранцев, в которых лежали, свернутые в коконы, флаги двух сводов – отечественного и международного. В руках каперанга ветер развеял шелковый моток флага, и все увидели... большое белое полотнище.

– Поднимай! – велел фон Ден сигнальному старшине.

Старшина Жуков испуганно взирал на командира:

– Ваше благородие... избавьте. Как есть... Христом-богом прошу. Я русский моряк... не могу позориться! Лучше уж я погибну...

Шестерка снарядов, сверля мутный воздух рассвета, прошла над мостиком, пригибая к решеткам настила самых храбрейших. Фон Ден развернулся и – вмах! – треснул Жукова по зубам. В паузе между залпами отчетливо лязгнули зубы старшины.

– А хучь убейте! – осатанел Жуков. – Подымайте сами...

Каперанг начал привязывать к фалам белый флаг. С высоты дальномеров разносился голос Петряева:

– Кончайте этот декаданс... Нас же сейчас накроют!

Артеньев вынул револьвер, ткнул его в спину фон Дена:

– Долой с мостика! Или приشلепну...

Фон Ден треснул рукой по оружию, и револьвер Артеньева, матово блеснув, скрылся за бортом. Первое орудие – в панике событий – вдруг замолчало. Германские крейсера, фукая в небо языками огня и копоти, быстро пожирали расстояние, тесня «Новик» в середину своего железного строя.

– Вы арестованы! – сказал фон Ден старшему офицеру.

Но тут сзади подошел старший минер Мазепа, заложил руку за шею каперанга и рывком свалил командира на решетки мостика.

– Хватит уже! – заявил Щирий. – Лучше под трибунал пойду, но этого балагана не могу терпеть... Старший, бери команду!

– Стойте! – кричал фон Ден, когда сигнальщики стали вязать его фалами. – Стойте же... вы все погибнете!

Возле боевого телеграфа выпрямился лейтенант Артеньев:

– Носовая, чего притихли? Давайте ревуна... огонь!

И толкнул рукоятки на «полный». Выбил заглушку на трубы в машину, приткнул к растреснутой амбушуре. Носовая выстрелила, ударившись о медь, Артеньев разбил себе губы. Брызгаясь кровью, он приказывал в машину:

– Дейчман, давайте из турбин что можете. А чего не можете, тоже давайте... Сейчас на лаге только восемнадцать!

Стрелки тахометров, плавая в голубом дыму, потянулись дальше, отмечая возросшую ярость турбин. Пять германских крейсеров крепко зажали «Новик» в блокаде своих прицелов. «Новик» пенного буруна не давал, и потому немцы не сразу заметили нарастание его скорости. На крейсерах стали очухиваться, когда эскадренный миноносец пошел на прорыв... В рубках «Новика» неустанно отщелкивал показатель лага: 32 узла... 33... На тридцати четырех узлах вырвались из кольца, после чего умолкли пушки, а на мостик, расслабленно шатаясь, поднялся инженер Дейчман.

– Меня сейчас избил, – сказал он, плача без стыда.

– Кто избил? – обступили его офицеры.

– Мои же кочегары. Грозил вышвырнуть за борт.

– За что, Леонид Александрович?

– А за то, что «дейчман» означает «немецкий человек»...

Дали отбой боевой тревоги, и до мостика дошел слух, что в кубриках заваривается кутерьма. Весть об измене командира задела самолюбие матросов. Казалось, они не могли простить себе своего заблуждения, что ранее подчинялись предателю. Теперь из низов корабля доносились выкрики: «Долой всех немцев! Баронов за борт!» Артеньев осведомился – кто больше всех шумит, и боцман Слыщенко донес, что шумят двое:

– Портнягин – из первой, а Хмара – из четвертой палубы.

– Этих крикунов ко мне, – распорядился Артеньев.

Два матроса поднялись на мостик, посматривая исподлобья.

– Берите в пирамиде карабины, – наказал им Артеньев. – Под вашу ответственность сдаю вам бывшего командира. Башкой ответите мне за него... Запереть его в салоне.

Матросы, жестоко усердничая, поволокли фон Дена к трапу – с бранью унижительной:

– А, хад ползучий! Тебе-то в плену бламанже на тарелочке подавали б. А нам лопатой из ямы помойной... Иди, сучара!

Горизонт ожил, и Артеньев вздернул к глазам бинокль. От Виндавы спешили крейсера 1-й бригады – «Адмирал Макаров», «Баян», «Олег» и «Богатырь». Из радиорубки «Новика» вырвались бурные взрывы пискотни и воя морзянки – это работали радисты эсминца, сообщая координаты немецких кораблей. Крейсера России пронесло мимо – они, внешне нелюдимые, быстро растворились в серости дня... «Ну, кажется, все закончилось!»

Артеньев (он был смертельно бледен, почти посинел лицом), повернувшись спиной к ветру, долго разминал в пальцах папиросу:

– Вот и служи... Служишь, черт побери, и не знаешь, кто рядом с тобой... Это ужасно! Сдать врагу «Новик» – лучший эсминец русского флота.

Возле его носа чиркнул спичкою минер Мазепа:

– Прошу! А вам не кажется, что теперь вы станете командиром «Новика»?

– Спасибо. Не ради карьеры служу...

Тридцать восемь мин еще ерзали на рельсах, терлись боками в расслабленной швартовке креплений, и только сейчас люди заметили, что чехлы над ними были разодраны осколками. Но хабрецам всегда чертовски везет – это уж старая истина.

4

На подходах к Либаве он попросил к себе Дейчмана.

– Леон, – сказал ему Артеньев в штурманской рубке (без свидетелей), – после того, что произошло на мостике, следует потушить то, что случилось у тебя в котельных... Ты это понимаешь?

– Я все понимаю, но лезть в низы обратно не хочу. Зачем? Чтобы мне опять намяли карточку за мою фамилию?

– Тогда ты не понимаешь... Фон Дена с его предательством хватает «Новику» уже выше мостика! Если обнаружится и твоя беда, матросам припишут большевизм, команду «Новика» могут расформировать. А команда уже сплавалась, и нельзя эсминец выбивать из ритма войны... Теперь осознал, дружище?

– Я... боюсь, – признался механик.

– Боязнь своих подчиненных – это такая болезнь, которую лечат отстранением от службы. Не вылечишься – спишут!

Эсминец легко клало на борт, потом волна переключивала его на другой борт. Внизу что-то гроыхало, и Артеньев не сразу догадался, что это ветер колотит брезенты спасательных шлюпок.

– Ну! – строго прикрикнул он на друга. – Решайся!

– Какая сволочь, – вдруг заговорил Дейчман, – осмелилась перетолмачить с немецкого на русский мою поганую фамилию? Впрочем, я понимаю – меня бы никогда не ударили, если бы не эта история на мостике. Как только до котлов дошло, что у вас там стряслось, меня сразу и треснули. А знаешь, кто меня бил?

– Не надо фамилий. Истории возбуждать не будем.

– Но это так гнусно. Меня били, а я кричал им, что мой дед – крымский врач, а мать – молдаванка... Боже, неужели в такой грандиозной империи не найдется местечка и для инженера Дейчмана, захудалого конотопского дворянина?

Артеньев долго молчал, наблюдая, как по разложенным на столах картам ползал хитрый механический жук – одограф, автоматически записывая на картах все изменения курса корабля. Вот прибор с резким жужжанием передвинул свой карандаш – значит, эсминец уже пошел на разворот к Либаве, скоро войдет в канал фарватера.

– Ладно, – поднялся с дивана Артеньев. – Кочегаров накажем как-нибудь келейно. Отнесись к этому, если можешь, с юмором. Ну, дали в нос. Ну, кровь брызнула. Ну... с кем не бывает?

Явился боцман Ефим Слыщенко, сообщил доверительно:

– Так что смею доложить о человеке за бортом. Все уже в полном ажуре – это Ненюков кувырнулся. Кады боевую сыграли, он по доброй воле, от рундука отвязавшись, шагнул за борт – прямо ко святым угодникам... После него хурда осталась. Домой отсылать, что ли? На деревне всякая тряпка сгодится...

– Отсылай, боцман. Я письмо напишу, что погиб геройской смертью... за веру, царя и отечество!

И как-то все перемешалось в усталой голове. И эта тетка, получившая с войны обрубок вместо мужа; и этот прыжок за борт матроса, ослепшего от бутылки денатурата; и этот рев крейсерского калибра над головой, гнуснейшая подлость предательства командира; а где-то – издалека, из тишины – отзывалось теплом и светом от чистой и здоровой женщины, встреченной случайно.

Артеньев поднялся на мостик. Прошли приемный буй, который подвывал кораблям сиреной, тяжело качаясь на волнах.

– Сразу, как отдадим якоря на рейде, всех господ офицеров прошу в кают-компанию...

Два якоря-холла, грохоча звеньями цепей, зацепили «Новик» за грунт либавского рейда. Фон Ден стал бушевать взаперти салона, требовал, чтобы его допустили к радиорубкам эсминца.

– У меня телеграмма к его величеству! – кричал он. – Тридцать слов... Хорошо, я согласен на двадцать... хоть на десять. Но пустите меня... царю-ю... у-умоляю вас! Дайте оправдаться!..

В кают-компании – два узких стола, протянутых вдоль бортов. Между ними – узкий проход, в котором и расхаживал Артеньев.

– Господа, – говорил он, взвешивая каждое свое слово, – под славным андреевским флагом нашего эсминца при столкновении с крейсерами противника произошло одно событие... возмутительное! Позор слишком велик, и нельзя доводить дело до суда. Следует его и завершить здесь же, не сходя с корабля, как дело нашей общей чести. Я сознательно подчеркиваю, что затронута честь нашего корабля... Надеюсь, вы меня отлично поняли?

Все его поняли, только новиковский священник отец Никодим поежился в смущении.

– Да ведь грех, – сказал, – грех человека на смерть толкать.

– Во-первых, – ответил ему Артеньев, – у вас, батюшка, из-под рясы торчат штрипки от кальсон. Здесь вам не сельская церквушка, а кают-компания... А во-вторых, батюшка, вы в дела мостика не суйтесь, как мы не суемся в церковную палубу. По-моему, – заметил Артеньев, – грех заключается в другом – в измене отечеству!

Отец Никодим затолкал под носки завязки кальсон и сказал:

– Я молчу. Дело ваше. Офицерское. Благородное...

Артеньев при всех покрутил барабан револьвера, из которого торчали желтые затылки патронов. И высыпал все патроны из барабана. Со стуком они падали на обеденный стол кают-компания, раскатываясь по зеленому сукну скатерти.

– В барабане оставляю один. – сказал Артеьев. – Пусть он распорядится им, чтобы уйти от позора самому и не позорить нас. Кто не согласен со мною – прошу встать и заявить.

Офицеры молчали: они были полностью солидарны с ним.

– Добро. Тогда я поднимусь к нему...

Боже, до чего же тяжелы показались ему на этот раз двенадцать ступеней трапа, ведущих в благословенную тишь салона, простеганного штофом и бархатом. Возле дверей с карабинами в руках, замкнув лица в хмурости, стояли матросы – Портнягин и Хмара.

– Благодарю за службу, ребята, – сказал им Артеьев. – Теперь ступайте отсюда прочь. – И он шагнул внутрь каюты командира.

Фон Ден сидел в кресле-вертушке перед столом, напротив него стоял в причудливой рамке из бронзы портрет жены.

Молча, расширенными глазами он наблюдал за старшим офицером. Артеьев подошел к раковине, тонкой струйкой пустил воду из крана. Наполнил водою ствол револьвера, держа его вертикально. После чего протянул револьвер командиру:

– Надеюсь, Карл Иоахимович, вам не нужно рассказывать, как поступают опозоренные офицеры. Вот вам... с водою!

Вода при выстреле разносила череп в куски.

– Держите!

Фон Ден взял револьвер и выплеснул из него воду.

– Я не опозорен. Я верный слуга его величеству. Я потребую суда. Я добьюсь правды...

– Суд офицерской чести уже состоялся. И он осудил вас!

– Нет! – отвечал каперанг, весь трясась. – Я не могу.

– Уже поздно. Так постановила кают-компания.

– Нет! Это шантаж...

– Шифровку по радио мы уже дали. Поторопитесь.

– Нет. Я дождусь ответа из штаба.

– Поторопитесь. Скоро за вами придут жандармы. Здесь один патрон. Этого хватит. Уйдите от позора сами, не позоря других...

В спину уходящего Артеьева фон Ден, словно нож под лопатку, всадил одно только слово:

– Мерзавец!

Артеьев из коридора салона не уходил. Ждал выстрела. Но выстрела не было. Постучав в дверь, он напомнил:

– Кончайте же наконец эту канитель!

И грянул сдавленный выстрел. Артеьев рывком открыл дверь.

Каперанг фон Ден по-прежнему сидел в кресле, облокотясь на стол. Он стрелял в себя через подушку, и подушка теперь была отброшена в сторону, из нее просыпался пух. Пуля же, пущенная каперангом в висок, вышла у него из глаза, и теперь этот глаз желтой осклизлой слякотью стекал по щеке...

Самое страшное, что фон Ден остался жив и сознание не потерял. Вторым глазом он сейчас с ненавистью глядел на старшего.

– Подлец, – сказал он Артеьеву. – Ну какой же ты подлец...

Артеьев насытил пустой барабан еще одним патроном.

– Будьте же мужественны! – крикнул в бешенстве.

Пальцами фон Ден тронул свой висок, разможенный пулей, окровавленные руки медленно потянулись через стол – к бумаге.

– Два слова... – неожиданно попросил он. – Жене...

Карандаш выкручивался из его пальцев. Артеьев вышел.

Он дождался второго выстрела. На этот раз фон Ден был мертв, но из кресла не выпал. Сидел – прямой и безучастный, вдавив острый подбородок в грудь. На длинном черном шнурке, словно маятник, раскачивалось пенсне. А перед ним, захватанная кровавыми пальцами, лежала записка к Лили Александровне: «...меня убивают подлецы-карьеристы, свои же офицеры, которым я так много сделал хорошего. «Новик» пропитался ядом анархии. Я ухожу из жизни не по своей воле, а принуждаемый к тому насильем. Может, это и к лучшему, ибо тогда не предстоит мне наблюдать те ужасы, которые ожидают Россию в будущем... (Далее следовали слова любви к жене, которые Артеньев старался не прочесть). Но не прости убийцам моим!» – заклинал фон Ден жену в конце записки.

От такой гнусной лжи Артеньев что было сил хватил ногой по стулу, и фон Ден мешком свалился на ковер. Чтобы ковер не запачкать кровью, Сергей Николаевич подсунул под голову мертвеца подушку. После чего нажал педаль на расблоке вызова под словом «буфеть». Моментаً явился в салон Сашка Платков с полотенцем, переброшенным через плечо, словно заправский официант.

– Помогите мне, – сказал ему старший офицер. Они содрали все белье с пышной кровати командира. Мертвеца в несколько рядов, плотно и туго завернули в простыни. Белой куколкой лежал он по диагонали салона, непомерно длинный, и матрос с офицером переступали через него как через бревно. От возни с неповоротливым телом оба устали. Полосатый матрас обнаженной постели наводил на мысль о генеральной уборке.

Сашка Платков вытер лоб посудным полотенцем.

– Все-таки, – сказал он, – матросское дело проще: ну, морду набьют тебе, и все тут. А вот офицеры...

– Цыц! – прикрикнул Артеньев. – Больно ты у меня грамотный стал. Зови сюда подвахтенных. Пусть оттащат каперанга в душевую и дверь – на замок. А ключи от бани – мне!

С запискою фон Дена он спустился в кают-компанию.

– Здесь и про нас, господа, – сообщил он, пуская записку по кругу. – Каперанг называет нас убийцами... Но никто из нас не убивал его. Он ушел из жизни сам, и это лучший вариант из всех, какие только можно придумать...

Командиру Минной дивизии контр-адмиралу Трухачеву он отослал подробный рапорт о случившемся, приложив к нему предсмертную записку фон Дена (пусть штабные перешлют жене).

Вечерело, когда лейтенант Артеньев отправился на Шарлотинскую – в кофейню «Под двуглавым орлом». За эти сумасшедшие дни он как-то позабыл лицо Клары Изельгоф, и память – в сумбуре событий – не могла восстановить ее нежного облика. Он спешил к ней, чтобы увидеть, чтобы запомнить и больше не забывать...

Став базой флота, Либава резко разделилась на два города... Старая так и осталась дремать в тишине парков, где вековые дубы осеняли ее «монплезиры» и кургаузы. Новая же Либава быстро разрослась в пролетарский город.

Денно и ночью дымили копотью трубы цехов и мастерских; германский капитал властно управлял акционерным обществом «Беккер и К°», на заводах которого тянули сталь и проволоку; фирма Вакандера и Ларсона штамповала пробку и отливала линолеум; пыхтели паром фабрики растительных масел. Здесь не выживали цветы, не было тут и тенистых вилл, а музыка курортов сюда не долетала.

Не миновать новой Либавы, чтобы попасть в старую, буржуазную. Прямо над гаванью, словно над пропастью, был переброшен Железный мост, соединяющий две Либавы, как два различных мира. При лунном освещении мост этот казался иногда Артеньеву мистической конструкцией, созданной неземными существами. Железный мост вел его на свидание любви...

И вот что удивительно: Клара, оказывается, его ждала. Нет, она не призналась в своем ожидании, но Сергей Николаевич догадался об этом сам – по вспыхнувшему взгляду, по суетливой радости ее первых слов. А он вновь наслаждался покоем и тишиной, любовно трогал молочный кофейник... Артеньев говорил женщине:

– Втиснутые в железные коробки отсеков, лишённые подчас самого необходимого, поверьте, как мы любим, чтобы на берегу нас окружали красивые вещи, чтобы такие красавицы, как вы, улыбались нам!

На стене кофейни недавно появился новый военный плакат: «Берегись шпионов!» К плакату была приложена красочная схема германского шпионажа, которая широко раскинула свои щупальца, охватив почти все области русской жизни... Среди шпионов поблизости от агента по распространению швейных машин компании «Зингер» была представлена и фигура официантки, которая подслушивает разговор пьяных офицеров... Но Артеньев-то – не пьяный, да и что он скажет красивой женщине, кроме тех слов, какие вообще говорят женщинам?..

Поздно вечером он сидел в своей каюте и писал... в Казань:

«Милостивые государи.

С глубоким волнением узнал из газет, что в Вашем городе, несмотря на ужасы войны и многие бедствия, открывается выставка „Художественные сокровища Казани“. Мне известно, что в Казани работали миниатюристы Босси и Барду, меня всегда интересовала работа художников „Арзамасской школы“ – Ступина, Макарова, Мелентьева, Щеголькова и прочих. Много уже лет я занимаюсь русской иконографией... Весьма сожалею, что, связанный службою, не могу посетить Казани, чтобы усладить себя личным общением с художественными сокровищами Казани. У меня просьба к организаторам выставки: когда выйдет ее каталог, не откажите в любезности выслать один экземпляр по адресу...»

Ложась спать, Артеньев просмотрел «Журнал иностранной литературы». Попалась интересная статья о женской красоте (с древних времен до наших дней). Артеньева интриговал Винтергальтер, который работал в Париже и написал немало портретов русских красавиц. Все в мире интересно, но... пора гасить свет и спать.

5

В прошлом году германский крейсер «Магдебург» с треском напоролся днищем на камни возле маяка Оденсхольм. Команда крейсера, выстроившись на палубе, по сигналу с мостика толпой шархалась с борта на борт, чтобы раскочерить корабль, работавший машинами «враздрай». Но сняться с камней не удавалось. Тогда немцы стали выбрасывать тяжести: якорные цепи, броневые двери башен и рубок, выпустили за борт всю питьевую воду. Трудились всю ночь – не помогло: «Магдебург» застрял прочно.

На рассвете их заметили с маячного поста русские моряки. «Магдебург» открыл огонь, разбивая снарядами вышку маяка и барак радиопоста. Но израненные радисты, истекая кровью за «ключом», успели передать на базы важное сообщение. К острову Оденсхольм спешно вышли русские крейсера. Еще издали они открыли огонь, отгоняя от «Магдебурга» германский миноносец, снимавший с крейсера его экипаж. Русским сдались в плен сам командир «Магдебурга», два его офицера и полсотни матросов. Но перед сдачей они успели запалить погребные фитили – взрывом разрушило «Магдебург» от носа до второй трубы.

Эссен послал к месту гибели «Магдебурга» партию балтийских водолазов. Ползая по затопленным отсекам крейсера, водолазы исправно «обчистили» салон и каюты. Наверх были поданы даже плети, на рукоятках которых имелись казенные штемпеля: «К. М.» («Кайзеровский флот»). Плетки были страшного вида – почти палаческие семихвостки, размочаленные на спинах матросов³. По окончании работ на «Магдебурге» адмирал Эссен приказом по Балтфлоту объявил всем водолазам строжайший выговор за безобразную работу. Водолазы спокойно проглотили выговор и... получили месячный отпуск!

Этим приказом Эссен, маскируя свою радость, запутал германскую разведку. В каютах на «Магдебурге» секретных документов действительно не нашли. Но когда стали обследовать грунт возле крейсера, наткнулись на труп немецкого шифровальщика. Даже мертвый, он оставался верен присяге и тесно прижимал к своей груди свинцовые переплеты секретных кодов германского флота. Из объятий мертвеца водолазы забрали шифры – и, таким образом, флоты Антанты получили доступ к тайнам флота противника...

Ветер стонал над Балтикой, где взаперти на рейдах и в гаванях Финского залива, окованные льдом, выжидали весны русские корабли. Как раз в это время, чтобы отвлечь русских от наступления в Галиции, германское командование занесло кулак над Курляндией. Она была почти неприкрыта ныне с моря – лишь несколько наших эсминцев и подлодок бороздили простор, как неприкаянные мыкаясь между опустелыми базами; редкие маяки слепо и колдовски светили им по расписанию. Немцы хотели вытеснить Балтфлот из западных гаваней Курляндии – от пограничного Полангена до самой Виндавы, чтобы силы Рижского залива оказались заперты, словно в банке!

Колоннам Гинденбурга противостояли сейчас малые силы русской 12-й армии. Полосу побережья в основном держали ратники-добровольцы – пожилые люди, пошедшие на фронт ради того пайка, который получали в тылу их семьи (в случае гибели добровольца семье его была обеспечена пенсия). Дрались они отлично. Но опытная германская армия давила и плющила слабые гарнизоны, словно прессуя их своим натиском. Немцы ворвались уже в Литву, они взяли древний Шавли, а часть нашей армии еще застряла в Восточной Пруссии.

Обстановка на Балтике с каждым днем становилась сложнее, над морем неслась трескучая россыпь морзянки – нашей и немецкой. В штабе вице-адмирала Эссена особенно не спешили с выводами, чтобы в горячке не допустить промахов. Вывести корабли в море – это и дурак сумеет, но надо так планировать операции, чтобы корабли и вернулись целы. Каждый погибший корабль – немалая прореха в системе обороны, это подрыв государственной и финансовой мощи; наконец, это стоны и плачи сотен баб, причитания которых не долетают до безымянных могил, захлестнутых волнами Балтики...

Любая светская дама могла бы позавидовать обстановке командных салонов на русских кораблях. Адмиралтейство словно забыло, что салонам «подобаает более величавая скромность кельи благочестивого архиерея, нежели показная роскошь спальни развратной лицедейки».

С началом войны опомнились: ведь это антикварное убранство представляло в случае боя хорошую пищу для огня. На флагманских судах стали пороть с мебели цветные штофы, рвали с переборок драгоценные гобелены, оставляли в базах легкомысленные козетки типа Нана, крушили на причалах кровати в стиле элегантной эпохи Людовиков... Разгром был учинен полный, но, кажется, должных кондиций достигли: теперь в убранстве салонов присутствовала суховатая и деликатная пустота.

³ Достоин примечания – плеть старшего офицера с «Магдебурга» была самой истрепанной, что свидетельствовало о характере его общения с нижними чинами.

Так же, как от ненужных вещей, избавлялся штаб флота и от блестящих, но ненужных офицеров. Николай Оттович фон Эссен окружил себя лучшими специалистами флота, которые не имели придворных званий. Его «флажки» (как называли тогда флаг-офицеров) были людьми подвижными, знающими, опытными. Сравнительно еще молодые, они уже успели хлебнуть и позора Цусимы, и жуткого отчаяния Порт-Артура, а потому делали сейчас все зависящее от них, чтобы избежать поражений на море в войне с сильным германским флотом.

Колчак считался признанным мастером минных постановок. Ренгартен – ученик А. С. Попова, видный радиотехник, был изобретателем первого на флоте радиопеленгатора. Под стать им был флагарт кавторанг Свиньин. Такие офицеры, как Василий Альтфатер, Федор Довконт, князь Михаил Черкасский, были прекрасные оперативные работники. А новинка XX века – авиация, которая прямо из пеленок рванулась в небеса на своих бесовских крыльях, – была представлена в штабе Эссена контр-адмиралом Адрианом Непениным, справедливо считавшим, что будущее всех войн принадлежит самолетам...

Да, штаб Эссена дал России немало мастеров флота, но зато штаб Эссена воспитал (за редкими исключениями) и будущих главарей контрреволюции – самой яростной и самой неистребимой. Об этом тоже не следует забывать, читатель...

Дымя сигарой, зажеванной в углу рта, Эссен рассуждал:

– Мемель-то мы, господа, профукали по дешевке. Для нас эта операция, придуманная Ставкой в обход флота, еще аукнется не раз... В результате мы подержали Мемель в руках, словно горячий уголек, и тут же бросили. А принц Генрих, явно напуганный нашей дерзостью, сразу умножил свои силы на нашем театре. Вот последняя сводка: на Балтику им переданы крейсера и миноносцы, а также вторая эскадра линейных сил. Для нас это – ох и ах!

Эссен живо повернулся к тяжеловесному, словно откормленный боровак, контр-адмиралу Непенину:

– Адриан Иваныч, что скажете на это?

Непенин ответил одним характерным словечком:

– Думато...

Пахнувший оттепелью воздух насыщал каюту через иллюминаторы, было слышно, как хлещет со срезов рубок по металлу звончатая капель. Эссен перебрал на столе бумаги, среди которых попалась замызганная записка с обращением к нему: «Милай, дарагой... лутшаму ис явреев даверь уголь прадасть». Это Распутин просил за кого-то, чтобы погреть руки на угольных поставках флоту. Эссен хмуро, без тени улыбки, перебрал записку Ренгартену:

– Это по вашей части, радист. Узнайте, с какого аппарата ее приняли, и прикажите химической службе как следует продезинфицировать этот аппарат... Итак, господа, – продолжал Эссен, – будем готовы для начала потерять Поланген! Наши мужички с крестами на шапках пуцай уж удирают от Гинденбурга и дальше, винить их за это было бы бессовестно...

– Что-то у нас не продумато свыше, – заметил Непенин.

Гельсингфорс чернел вдали дымками домов. Явился стремительный Колчак, нервно рвал с пальцев тесные перчатки.

– Началось таяние. Ирбены и Рижский залив вот-вот освободятся ото льда, и... Николай Оттович, не обколоть ли нам заранее крейсера и эсминцы, на ревальских стоянках, чтобы сразу выпустить их за ледоколами на боевые позиции?

– Добро, – согласился Эссен...

Ему принесли с моря свежую пачку расшифрованных германских квитанций, перехваченных нашей радиослужбой, – адмирал быстро вник в переговоры противника, их замыслы, их сомнения, их перебранку. В основном ругался Гинденбург, армии которого с моря не успевал (или боялся) прикрыть кораблями гросс-адмирал принц Генрих.

Николай Оттович хмуро буркнул:

– Война – это как покер: у кого нервы сильнее, тот выиграл!

Но у немцев оказались крепкие нервы. В одну из апрельских ночей радиорубки штаба командующего Балтийским флотом буквально взорвало в каскадах передач:

– Немцы проникли в Рижский залив. Прокрались вдоль берега...

Эссена это даже не удивило; он приласкал своего кота.

– Принц Генрих был бы круглым дураком, если бы он сейчас не рискнул на этот прорыв в залив, нами почти не защищенный...

Горохом сыпались новости с моря – трагические: германские эсминцы сняли с острова Руно-Рухну служебный персонал маяка, огнем они сбили башни маяков на Домеснесе и Цереле. А наши корабли, идущие от Ревеля, как назло, затерло во льдах, в скрежете торосов хрустела сталью бортов подлодка «Акула».

Непенин, мятый с похмелья, посоветовал:

– Думато! Если кораблям не пробиться, запускайте авиацию...

В весеннее небо бросили четверку самолетов. Их вели с грузом бомб юные мичмана и поручики, которым сам черт не брат. Эссен велел Колчаку первым же ледоколом идти на Ревель, откуда первым же поездом отправляться на Виндаву.

– Начинаем заваливать минами последние подходы к Либаве и Виндаве, – сказал он каперангу. – Тральщикам тоже прикажите участвовать в постановке. На всякий случай я позабочусь, чтобы с моря вас прикрыла, во избежание случайностей, первая бригада крейсеров.

Колчак разбудил кавторанга Довконта:

– Феденька, хватай бутылку коньяку и зубную щетку.

– А что случилось?

– Завалим последние фарватеры у берегов Курляндии, чтобы немцы маршировали не так нахально...

Шесть стареньких, ходивших еще на угле, миноносцев лениво подымливали возле причальных стенок Виндавы. Поодаль качались, словно неряшливые галоши, номерные базовые тральщики. Всякий сброд кораблей, начиная от финских буксиров и кончая речными пароходиками, был мобилизован на время войны для исполнения тяжелой повинности траления. На одном из тральщиков вдруг вспыхнул огонь, оттуда передавали: «Выйти в море не могу зпт у нас в днище обнаружилась течь тчк». Колчак, уже стоя на мостике «Генерала Кондратенко», сказал Довконту:

– Во кабак... Феденька, узнай – что у них там?

Людей, попавших на тральщики, поражало изобилие всяких спасательных кругов, пробковых поясов, надувных жилетов и прочего.

– Когда мы вляпаемся в пакость, – поучали здесь новичков, – хватай сразу, что попадет под руку, и держись крепче. Считай, что в этом случае тебе повезло: ведь на тральщиках не надо терять времени даже для прыжка за борт. Ты и ахнуть не успеешь, как палуба выскочит у тебя из-под ног...

Как трудолюбивые крестьяне выходят утром в поле с косою за плечами, чтобы косить травы, – так же и тральщики прилежно убирают «урожай» мин, созревающих на морской целине. Их минные «жатки» тралов подсекают ножами стальные стебли минрепов, на которых колышутся в глубине сочные гремучие соцветия – мины!

Публика же на тральщиках – смелая, но ужасно бестолковая. Водят их по минам всякие там прапорщики от Адмиралтейства, штабс-капитаны по геодезии и даже кавалерийские ротмистры, которых быстрехонько переделали во флотское, наспех обучили стоять на мостиках и тралить мины, ценя свою жизнь в копейку...

Катер с миноносца доставил Довконта на борт тральщика. Штабного оператора встретил на палубе прапорщик флота, бледный и романтичный юноша с тонкой шеей, торчащей из широкого воротника кителя. Он был явно испуган и не скрывал этого.

– В чем дело? – сразу обрушился на него Довконт. – Если, черт побери, вы решили затонуть, так умеете же потонуть не в гавани.

– Извините, но я уже составил рапорт...

Слово «рапорт» прапорщик произнес с ударением на первом слоге, что в разумении Довконта являлось стратегической ошибкой.

– А здесь не казарма, чтобы деликатный морской рапурт превращать в хамский солдатский рапорт! Может, вы еще дойдете до такого безумия, что благородный морской компас переиначите в дурацкий компас?.. Сейчас же показывайте мне вашу течь!

Они спустились в придонный отсек, где оба бились в потемках о сырое ледяное железо шпангоутов, медленно источавших ржавую слизь. Тускло светила заляпанная суриком лампа, и, конечно же, обыкновенная могилка, вырытая в земле, может показаться уютной квартиркой по сравнению с этим придонным отсеком тральщика.

Прапорщик, делая круглые глаза, сообщил:

– Уверяю, все крысы убежали от нас сегодня утром сразу же, как мы сдали в порт тралы и приняли на борт мины...

Довконт сумрачно матюкнулся. Прапорщик показал ему место, где тихой слезой набегала в льялы вода. Казалось, корабль горько плакал, сознавая всю свою старческую беспомощность.

– Вот это и есть ваша течь? – хмыкнул кавторанг.

– Да.

– В таких случаях, – отвечал Довконт, – не срывают людей с мостика флагмана, а зовут врача-венеролога... Ляпните сюда цемента на лопате и можете считать, что ваш пароход излечился. А больше не дури! Сейчас же сниматься с якоря.

– Значит, вы находите, что это неопасно?

– Да нет же, нет, – в раздражении отвечал Довконт, пробираясь к трапу и светя фонарем только себе, совершенно игнорируя при этом командира тральщика, который громыхал в темноте по железу всеми локтями и коленями. – Вообще, милейший, – философствовал Довконт, – служба на флоте – это умение вовремя повернуться с одного бока на другой. А если вам еще встретится на берегу удобная женщина, которая будет горячая зимой, а летом прохладная, тогда совсем хорошо. Кстати, каков номер вашего героического корыта?

– Тринадцатый, с вашего соизволения.

– Счастливики! А сколько приняли мин к постановке?

– Тринадцать.

– Везунчики! А сколько человек в команде?

Прапорщик чуть не заплакал:

– Увы, без меня – тринадцать...

Федя Довконт выбрался на палубу, пожалел свои новые брюки.

– С таким номером не пропадете, – сообщил в утешение. – А сумма отрицательных показателей в народной суеверии всегда приносит положительный результат...

Катер доставил его обратно на «Генерала Кондратенко».

– Набрали там всякой шантрапы, – доложил он Колчаку. – Какие-то студенты-недоучки штаны черные понадевали и даром трескают паек флотский. Эта война свирепо разрушила нашу касту!

– Все продумато, – отвечал Колчак в стиле Непенина. – Пусть уж гибнут шаланды с такими студентами, чтобы побережь настоящие корабли с настоящими командирами... Начнем сниматься?

Над рейдом сразу возрос мощный шум вентиляторов, якоря вздернулись над водою, и корабли плавно тронулись из гавани.

В море сильно штормило – некстати. Несчастные гробы-тральщики трепало так, что с высоты мостиков эсминцев на них было страшно смотреть. К тому же крепенько подморозивало – палубы леденели. На траверзе мыса Люзерорт корабли встретили немецкую мину, сорванную штормом с якоря. Довконт внимательно обозрел ее в бинокль.

– Новенькая, стерва! – сказал. – Даже блестит от масла. Она, видать, из числа тех, что немцы подарили нам под пасху.

Это верно – на лаковых боках мины белела броская надпись по-русски: «Дорого яичко ко Христову дню». Пасхальное «яйцо» тут же расстреляли из пулеметов; расколотая пулями мина быстро насытилась водою и затонула тихонько, не делая лишнего шума. Пошли дальше. С тральщиков семафорили, что их сильно качает, рвет крепления мин, которые невозможно удержать на палубах.

– Пусть привыкают, – ответил Колчак, сосредоточенный...

С № 13 стали писать, что у них в предохранителях мин начал растаивать сахар. Колчак обозлился:

– Пусть этот студент с «тринадцатого» поскорее сваливает груз за банкою Сноп и убегает отсюда ко всем чертям.

Федя Довконт вспомнил безусого прапорщика, для которого весь этот флот с его минами и тралами представлялся сплошным кошмаром, и пожалел юношу, осторожно намекнув Колчаку об опасности:

– Если сахар растаял, то это рискованно при постановке. Да и качка не уменьшается. Может, «тринадцатый» лучше вернуть?

Колчак отмолчался, весь во внимании. Его большой и плоский, словно лезвие топора, нос был развернут по ветру и медленно наливался синеватой краснотой от холода.

А беда к «тринадцатому» не замедлила прийти. Одна из мин при постановке отделилась от якоря раньше времени. Пружины внутри мины сработали, сбросив предохранительные колпаки со страшных сосцов смерти.

– Ну, все! Сейчас их шарахнет...

На миноносцах видели, как из рубки «тринадцатого» сорвался на корму командир-прапорщик. Там матросы что-то рубили на корме топорами, надсаживаясь, словно дровишки кололи. Довконт с такой силой сжал кулаки, что заскрипела кожа перчаток. Но каперанг Колчак, этот верный ученик школы британского флота, оставался невозмутим, как первый лорд Адмиралтейства на светском фэйф-о-клоке. Между тем работой винта мину уже подтянуло к тральщику.

И... рвануло! Аж до самых небес рвануло огнем и дымом.

На «Генерале Кондратенко» все невольно присели, зажмуривая глаза. А когда поднялись, то увидели, что тральщик № 13, приседая на корму, стремительно погружается. С его палубы, словно арбузы с лотка, подталкивая одна другую, быстро катятся в море мины.

– Господи, – закрестились на мостинах, – спаси люди твоя...

Из тринадцати человек экипажа не уцелел ни один. Но чудом вынесло взрывом за борт четырнадцатого – самого командира. И когда вытащили его из воды, это был уже совсем другой человек. Он постарел до неузнаваемости. Прапорщика отчаянно трясло, и, выколачивая зубами хорошую джигу, он просил об одном:

– Водки... да-да-дайте ско-ко-корее во-во-водки!

Командир «Генерала Кондратенко» обернулся к Довконту:

– У меня в одежном шкафу есть бутылка. Отодвиньте чемодан, там увидите. Влейте ее в юношу, чтобы он опомнился...

Довконт буквально на себе протащил командира тральщика до салона, рвал с него мокрую промерзшую одежду, расшвыривая вокруг ватные штаны, китель, кальсоны, свитер. Прапорщик сидел посреди салона на стуле, покорно позволяя поворачивать себя как угодно, пока Довконт трудился, напяливая на него сухое белье.

– Теперь вы на всю жизнь запомните, какая бывает настоящая течь... Не огорчайтесь, юноша: «C'est la vie», – как говорят наши доблестные союзники французы.

Только сейчас командир тральщика № 13 зарыдал. Довконт схватил его за плечи, швырнул на постель. Сверху энергично набросал одеял и подушек, чтобы тот скорее согрелся. Рыдания затухали. Теперь он будет спать как убитый. Довконт налил и себе рюмочку за счет пострадавшего. Поднялся на палубу, где порывом ветра его чуть не унесло за борт. Партия минирования уже вышла в район массовой постановки. Между двумя точками побережья – от Люзерорта до Бактофена – в море посыпались мины.

Немцам предстоит немало потрудиться, если они рискнут тут прорваться в сторону Рижского залива.

«Новик» тоже участвовал в этой операции. И тоже не все было гладко. Одна из мин самовзорвалась при выкидывании за борт (очевидно, не была проверена на заводе). Силой взрывной волны побило людей, отброшенных от кормы на броню надстроек. От страшного толчка остановились машины. Когда осел дым над волнами, с палубы стали подниматься минеры. У кого разбита голова, у кого рука обвисла, а лейтенант Мазепа парализно волочил ноги. И все – орали, орали, орали. Не от боли – от потрясения...

Колчак доложил фон Эссену:

– Минная постановка прошла идеально. Просто удивительно хорошо работали корабли и люди. Кое-какие неувязки случались, но это уже в порядке вещей.

6

Вернулись из Ревеля, куда ходили на заправку топливом, в Либаве котлы держали на подогреве, увольнений на берег не было – боевая готовность повысилась. Потом, как это и бывает, в штабах что-то изменилось, готовность «Новику» снизили. Артеньев выругался:

– Всегда разведут панику, будто у них ярмарка горит, потом закинут нас под лавку и забудут. Ладно, я сбегаю на берег...

Либава уже была пронизана щемящей тоской, город медленно наполнялся мрачными слухами. По секрету сообщали, что войска отходят. 200 миль Курляндского побережья обороняют дружины ополченцев, два эскадрона кавалерии и один батальон морской пехоты. В море стали попадаться корабли Германии, которых раньше не встречали на Балтийском театре. Иногда русские крейсера пытались навязать сражение противнику, но немцы, пожирая в котлах и машинах тонны топлива и смазочных масел, выходили из дистанции боя – не трусливо, а преднамеренно, словно сберегая себя для иных задач...

Артеньев с трудом пробрался через причал. На досках его под открытым небом лежали раненые солдаты, покорно ожидающие эвакуации морем. Под ними билась стывшая вода, над ними кричали чайки, словно спрашивая: «Чьи вы? Чьи?..» Сергей Николаевич заметил, что некоторые из раненых уже мертвы. Поодаль от них сидела сестра милосердия, застывшая в отчаянии, как скорбное изваяние. Артеньев спросил одного из солдат – откуда они и куда их направляют.

– Свалили вот, идохнем. Третьи сутки не пимши, не жрамши. Под себя делаем. Мы изпод Полангену... немец жмет, подпирает.

Артеньев попробовал заговорить с сестрой, но эта молоденькая, симпатичная женщина с челкой на лбу резко отвернулась. Запомнились офицеру ее руки, красные от ветра, будто обваренные кипятком, и тяжелая сумка, на которой крест международного милосердия – такой жалкий, такой беспомощный.

Идти в театр, где давали сегодня глупейшую комедию «Вова приспособился», не хотелось – ни ему, ни Кларе. Артеньев предложил убить вечер на кинематограф.

– Вы случайно не знаете, что показывают сегодня в «Альянсе»?

– Кажется, там идет «Розовая мечта Гекубы»...

По дороге Артеньев охотно поведал Кларе все, что знал о Гекубе, и женщина внимательно его выслушала.

– Если верить Овидию, – заключил Артеньев, – то конец сумасбродной Гекубы был весьма печален. Когда она волею богов превратилась, пардон, в суку, фракийцы закидали ее камнями...

Неожиданно Клара сказала:

– Но есть и другая версия – Гекуба бросилась в море.

– Да? – удивился Артеньев. – Но... откуда это известно вам?

– Это не по Овидию, а по Еврипиду, – сказала Клара.

Сергей Николаевич никак не предполагал встретить знание Еврипида в своей знакомой из кофейни. Клара пояснила ему:

– Я ведь окончила гимназию. Это чистая случайность, что я стала кельнершей. Я еще надеюсь поправить свою судьбу.

Артеньев купил самые дорогие билеты. С улицы трещали мотоциклетки – подкатывали армейские офицеры прямо с позиций, несущие в зал кинематографа свежую грязь окопов, запах крови и пороха. Вот на экране появился человек, проникший в подъезд дома. Стал подглядывать в замочную скважину. Увидел, что там целуются, и поскакал на второй этаж. На втором этаже он увидел через дверь, как дама расстегнула блузку и показала господину свои упругие, как мячики, груди. Артеньев испытал некоторое смущение перед Кларой, когда герой фильма пулей взвился на третий этаж.

– Я не совсем понимаю, – шепнул он, – при чем здесь Гекуба?

Экран уже отображал в подробностях интимное омовение женского тела. Не ожидая, пока герой фильма достигнет самых высоких этажей, Сергей Николаевич встал, и Клара поднялась за ним... На улице им стало как-то не по себе.

– Но при чем здесь Гекуба? – не переставал возмущаться Артеньев, а Клара взяла его за рукав шинели:

– Бог с ней, с этой Гекубой. Вы не зайдете ко мне?..

Дома выяснилось, что Клара не одинока – у нее уже дочь, девочка лет четырех. Допытываться об отце девочки Артеньев не считал для себя удобным. Правда, его отчасти поразила обстановка квартиры – богатая, старинная. Наверное, еще от бабушек и дедушек. Уют и тишина квартиры располагали к искренности. Сергей Николаевич немного поведал о себе... Нет, он не женат!

– У меня в Питере сестра, бестужевка. Натура сумбурная. Сама не знает, чего она желает от жизни. Есть такие беспокойные натуры, с которыми надо возиться, как с детьми... Вообще-то в моем роду не было моряков. Больше учителей гимназий и инженеров-путейцев... Что я люблю? Увлекаюсь портретами предков. Особенно миниатюрной живописью. В этом особое очарование. Берешь в руки портрет величиной с пуговицу. Красавица времен Венского конгресса вся выписана в деталях пунктиром...

Клара сидела напротив, очень внимательная к его рассказу, курила длинную дамскую папиросу. Модная шемизетка из белого шелка, окантованная черной бархаткой, шла ей. На груди женщины лежал медальон, убранный сердоликом, и Артеньеву хотелось узнать – что там, внутри: нет ли памяти о сопернике?.. О себе Клара рассказывала в меру. Где-то в биографии этой женщины, видимо, был предел, за который посторонние не допускались. Артеньев был достаточно внимателен, но точного представления о судьбе Клары из ее рассказа так и не сложил. Впрочем, это частное дело каждой женщины, и вряд ли стоит обижаться на их скрытность...

– Мне у вас очень хорошо... – признался он Кларе. – Честно говоря, я бы сидел и до утра, но служба обязывает встать и уйти.

В прихожей он ее нежно поцеловал и в поцелуе заметил, как она вся податлива, как мало ей этого поцелуя.

Возвращаясь на корабль, он опять не миновал свалки фронтальных калек, воздевших к небу свои культы, лубки рук и ног. Сестра милосердия сидела все в той же страдальческой позе.

– Мадемуазель, – заговорил с ней Артеньев, – мой корабль стоит неподалеку. Не пройдет ли со мной перекусить и обогреться?

Она повернула к нему свое лицо без единой кровинки:

– Меня вы покормите. Меня вы обогреете. А... их?

Артеньев прямо от сходни спустился в лазарет эсминца.

– Док! – сказал он врачу. – Иногда не мешает вспомнить о клятве Гиппократа... Вы видели этих несчастных, док?

– Да был я там с санитарями. Она послала меня к черту.

– Кто?

– Да эта вот мырма, которая к ним приставлена...

Сергей Николаевич с трудом протиснулся под срез полубака. Возле дверей коридора кают-компании было не протолкнуться от матросов, слушавших, как лейтенант Мазепа ругается по телефону с береговыми службами. Команда «Новика» переживала за людей, забытых на причале премудрым отеческим начальством.

– Не мычат, не телятся? – спросил Артеньев у минера.

– Сволочи! – отозвался Мазепа. – Комендант Либавы говорит, что это не его дело. А госпиталь – у них и так все забито.

– А что ответил эвакуационный пункт?

– Не дозвониться. Никого нет.

Артеньев перенял трубку из рук минера.

– Барышня, соедините меня с жандармским управлением Либавы.

– Нашел, куда брякать, – послышалось из толпы матросов.

– Цацуня, цыц! – прикрикнул старшина Хатов.

Из жандармского управления ответил глухой бас:

– Штаб-ротмистр Епифаньев на проводе.

Представившись, Сергей Николаевич доложил о раненых, брошенных на произвол судьбы, а далее построил свою речь хитро:

– Команды кораблей имеют возможность своими глазами наблюдать отношение к их братьям солдатам, защитникам отечества. Вы понимаете, ротмистр, какая это прекрасная иллюстрация к нашим беспорядкам на фронте, если даже в тылу... в тылу, говорю я вам, творится такой чудовищный бардак!

С другого конца города устало вздохнул жандарм:

– Благодарю, что сообщили. Мы сейчас же вмешаемся в это безобразие; и кое-кто жестоко поплатится своими погонами...

Жандармы оказались разворотливы. Скоро к причалу стал подходить корабль для транспортировки раненых в Ревель. Но... какой это был корабль! Допотопный угольный лихтер с открытыми трюмами, куда раненых солдат собирались валить навалом на груды острого антрацита. Каждый с эсминца понимал, что сверху их будет заливать волна, мочить дожди, – они не выдержат.

– Чисто собак! – говорили матросы. – Ну, надо же!

– Ах, в суку их всех... За што воюем? За што страдаем?

– Издеваются, как хотят...

Артеньев посоветовался с офицерами:

– Готовность снижена. А от нескольких тонн мазута Россия, ей-ей, не обеднеет. Зато людей спасем.

С ним согласились, и он объявил аврал. Вмиг, словно того и ждали, матросы очистили кубрики. По доброй воле стелили белье на рундуках – под грязных и вшивых, зачумленных войною. Раненых бережно стаскивали по трапам с берега в живые отсеки эсминца.

Игорь Мазепа доверительно шепнул Артеньеву:

– А лед кое-где еще не сошел, как бы борта не помять на подходах к Ревелю. Эссен сглотнет нас и пуговиц не выплюнет.

– Пускай жрет. Лучше мне погон лишиться, нежели наблюдать это свинство. Стуляем до Ревеля – там отличный госпиталь...

Хотя и временно исполняющий обязанности командира, Артеньев в салон даже ни разу не поднимался. Сейчас туда – в эту роскошь стеганных плюшем диванов, ковров и японских ширм, расписанных зацветающей вишней, – провели сестру милосердия. «Пусть хоть выпится по-человечески!» Эсминец дал ход. Корабельный врач с санитарями всю ночь перевязывали раненых. За борт летели лохмы гнойных бинтов в крови и струпьях.

– Хорошо живете, моряки, – говорили матросам солдаты, хрустя казенными простынями, с удивлением оглядывая крытые пробкой переборки. – Зато вас и держат на службе царской дольше нашего...

На траверзе Наргена «Новик» встретил чистое, спокойное утро. Почти не качало. Эсминец шел на ровном киле, разбрызгивая легкие весенние воды. На горизонте уже «читались» башни города. С глазами, выжженными водой и ветром, словно кислотой, Артеньев – наконец-то – спустился с мостика. Сестре милосердия сказал:

– Господа офицеры нашей кают-компании имеют честь просить вас к общему табльдоту.

И он подал ей руку на трапе.

– Простите меня, – сказала ему женщина. – Я была груба с вами. Тогда... еще на причале. А вы люди, и хорошие люди. Я надеюсь, что этот поступок вам поставят в большую заслугу.

– Мадемуазель, – рассмеялся Артеньев, – вы плохо знаете наши флотские порядки. С меня теперь могут сорвать погоны.

Состоялась неприятная беседа с начальником Минной Балтийской дивизии – контр-адмиралом Трухачевым.

– Сергей Николаич, – сказал он Артеньеву, – вас хотели представить к чину капитана второго ранга⁴, чтобы назначить командиром «Новика». Но теперь – ау! – придется потерпеть.

⁴ В предреволюционном русском флоте чин капитана II ранга следовал сразу за чином старшего лейтенанта без промежуточных званий капитан-лейтенанта и капитана III ранга, принятых в советском флоте.

Этим самовольным отводом эсминца с передовых позиций без ведома начальства вы сильно очернили свою блестящую аттестацию.

Артеньев смолчал. Трухачев протянул ему руку:

– Как русский человек, страдающий душой за все просчеты в войне, я солидарен с вами. И даже счастлив, что на моей Минной дивизии служат не тряпки, а люди, способные к вызывающим решениям. А теперь покажите, как вы срезали траверз мыса Тахкона...

Артеньев на карте показал, как «Новик» обогнул этот мыс.

– Ну вот, – сказал ему Трухачев. – Благодарите судьбу.

– А что такое, Павел Львович?

– Вы проскочили через минное поле, поставленное накануне, о чем миноносцы еще не были оповещены. Теперь, Сергей Николаич, вы понимаете, какой вы счастливый человек?

Артеньева пошатнуло. Слов нет, если бы «Новик» погиб, он бы застрелился. Сейчас он испытал такое ощущение, будто пуля уже ударила его в лоб, круша и ломая кости черепа... С трудом овладел собой и дослушал сообщение своего адмирала:

– Либава, кажется, сдадим. Эсминцы в связи с этим станут базироваться на Усть-Двинск и на рейд Аренсбурга... Хорошего в этом мало, но вся война еще впереди. Россия – это такая страна, которой можно нанести поражение, но которую нельзя победить!

7

Любовь пришла... С того случайного поцелуя роман между ними стал насыщен остротой чувств, ожиданий, сомнений и недосказанности. Артеньев был ошеломлен и почти смят этим натиском любви – от женщины, которая охотно, почти ликуя, вызывала его на интимность... По ночам – через Железный мост – он возвращался на эсминец, где его поджидал Дейчман, поверенный его романа.

Впрочем, механик был брюзгой; старый холостяк, он не советовал Артеньеву увлекаться чрезмерно, пророча всякие каверзы от женщины, тем более в таком распутном городе, как Либава.

– Иди ты... в главный штаб! – отругивался от приятеля Сергей Николаевич. – Клара чистая женщина, у нее ребенок. Я вообще люблю женщин с детьми! Порочная женщина абортует, а здоровая рождает. И ты знаешь, что я кобелячества не терплю. Хотя смолodu, как и все мичманята, тоже грешил на гельсингфорсской Эспланаде...

– Ах, Эспланада! – вздыхал Дейчман. – Сейчас наш Эссен обставил рейд Гельсингфорса такими комодами, что бедным эсминцам и приткнуться некуда. Вот отнимут у нас немаки Либава с Виндавой, и будем околачиваться у Эзеля. Что-то страшно мне становится, как подумаю об извечном законе стратегии: вслед за отступающей по суше армией всегда отступает вдоль берега и флот!

– Для немцев мы этот закон разрушили: германский флот не успевает наступать за своей наступающей армией...

В небе теперь часто мелькали германские «альбатросы», крылья которых были исчерчены черными крестами. «Новик» огнем своей отличной артиллерии подбил один такой аэроплан, и взору моряков представилась незабываемая картина. Из кабины «альбатроса» первой выпала собака. Затем, крутясь распятием, полетел вниз и пилот, быстро обгоняя собаку в полете. Море разъялось сначала перед человеком, а потом поглотило и животное. Следом за ними, разламываясь в воздухе на куски, рухнул в море самолет.

Вскоре заплывали над Либавой оболочки германских цеппелинов. Дирижабли кайзера проносились в облаках безмолвно, словно пришельцы из иного мира. Продырявить их удавалось не всегда, ибо зенитное дело – дело новейшее, родившееся совсем недавно, и даже опыт-

ным комендорам было непривычно задира́ть свои пушки в безглазое, безликое небо, где тихо плавает пугающая своей внешней нелюдимостью германская «колбаса».

Цепелины пролетали сейчас как раз над теми краями, где столь часто бывал их славный создатель – граф Фердинанд Цепелин, женатый на женщине из Курляндии. Графиня Ева Цепелин, урожденная баронесса фон Вольф, вам, милейшая сударыня, трудно укрыться от суда русской истории... Если бы не вы, мадам, отдавшая своему мужу колоссальное состояние, нажитое для вас потом рабов – латышей, ливов и эстов, то ваш супруг никогда бы не создал свое громоздкое детище. А теперь кайзер поставил перед Цепелином ясную задачу: «Гибель и полное разорение населения и городов, враждебных Германии...»

И вот цепелин пролетает сейчас над прозеленью лужаек, он плывет над золотыми пляжами шtrandов, над теми виллами и замками, в которых еще вчера местное дворянство пышно чувствовало его создателя. Прибалтийские бароны с гордостью взирают на небеса; они считают, что заслуга в создании цепелинов принадлежит им!

Совсем неожиданно Артеньева вызвал в штаб дивизии каперанг Колчак, и встреча с ним не сулила ничего доброго. Колчак, сам в прошлом командир миноносца, заметно выделялся среди флаг-офицеров. Слова его, сказанные даже вполголоса, выслушивались всегда с приличным вниманием (особенно в штабе Эссена). Полярный исследователь и гидрограф, ученик барона Толля и Фритьофа Нансена, Колчак для многих в ту пору оставался еще неясен как человек. О его политических взглядах никому не было известно. Неулыбчивый, с острым взором степного беркута, всегда в перчатках – узких, как тиски для пыток, Колчак казался нелюдим, чем-то внутренне огорчен и озадачен. Но близкие ему люди знали, что за этим флаг-офицером Эссена таится грозная, опасная сила – сила ума, злости, смелости, напористости. И сейчас было неясно, куда и в какую сторону будет повернута эта сила. Во всяком случае, по слухам флотским, следовало ожидать быстрого взлета Колчака...

Он встретил Артеньева расспросами об измене фон Дена.

– Вам пришлют нового командира – Гарольда Карловича фон Графа... Почему вы никак не реагируете на это?

Артеньев в некотором замешательстве отвечал «флажку»:

– Видите ли, Александр Васильевич, это опять... фон! А в нижних палубах обстановка накаляется. Матросы подозревают.

Колчак сказал на это сквозь стиснутые зубы:

– Да. Извещен. Предостаточно. На Минной дивизии вдруг стало беспокойно... Случайно вы не знакомы с командиром «Сильного», кавторангом Эрихом Бруновичем Фитингофом?

– Слабо.

– Слышали, что с ним случилась некрасивая история? При встрече с германскими эсминцами он под обстрелом стал реверсировать машиной, отрабатывая с полного вперед на полный задний. Он мог бы и не делать этого, смело вступая в дуэль, но... бог ему судья! Однако команда решила, что барон Фитингоф, симпатизируя германцам, сознательно изнашивает машины на быстрых реверсах, чтобы «Сильный» поставили на капремонт. И вот вам результат – бунт!

Артеньев слегка улыбнулся, что не скрылось от Колчака.

– Веселого тут ничего нет, – заметил он строго.

– Извините, Александр Васильевич. Но мой покойный командир был женат на баронессе Фитингоф. Сейчас вы поведали мне о Фитингофе, командире «Сильного», и я вспомнил, что старшим офицером на новейшем линкоре – «Гангут» – тоже барон Фитингоф... Не слишком ли много этих Фитингоф... на Балтийском флоте?

Колчак ответил – в раздражении:

– Топить их нам, что ли? Впрочем, эти бароны здесь ни при чем: просто матросам нужен повод для выступлений политических. Вот и хватаются они – то за гречневую кашу без масла, то за наших баронов! Присмотритесь внимательней к каждому такому бунту против засилья немчуры на флоте, и вы отчетливо разглядите в них явную большевистскую подоплеку.

– Я не политик, – сказал на это Артеньев. – Но, как я слышал от людей сведущих, большевики вообще против этой войны, которую они называют «империалистической».

– Верно. И они проводят свою политику хитро. Матросы-большевики воюют как раз хорошо. Они, как правило, на отличном счету у начальства. В каком-нибудь георгиевском кавалере, который «ест» вас глазами, трудно разгадать замаскированного ленинца. – Колчак поморщился, и при этом все лицо его, жесткое и энергичное, пришло в движение. – Да и что делать противнику войны, – спросил он с ухмылкой, – если на него насаждают германские «байерны»? Остается одно – драться! И он дерется. Хорошо дерется...

Подойдя к Артеньеву вплотную, Колчак сказал проникновенно:

– Я должен проинформировать вас о неприятных подробностях. Вдова каперанга фон Дена, как вам известно, является близкой особой к государыне императрице нашей. А вы же знаете, что было сказано в предсмертной записке фон Дена?

– Волею обстоятельств держал ее в руках.

– Вас могут обвинить в насильственном устранении фон Дена из жизни. Не удивляйтесь, если из Петербурга на вас покатают бочку, способную раздавить не только скромного лейтенанта, но даже адмирала с богатым плавательным цензом. Однако Эссен на вашей стороне; я тоже считаю, что собаке собачья смерть... Впрочем, – неожиданно закончил Колчак, – вы мне сегодня и не нужны. Наш разговор возник случайно. Пройдите в соседний кабинет – там вас ждут...

В глубине кабинета, широко раскинув руки по столу, сидел неопрятный и унылый полковник армии, совершенно незнакомый. Не представившись, он сказал:

– Садитесь. Разговор у меня с вами будет весьма краток... Оставьте в покое эту женщину!

Артеньев сразу вспыхнул, наполняясь гневом:

– О ком вы говорите?

– Вы сами отлично знаете, о какой женщине я вам говорю.

– Простите, но с кем имею честь беседовать?

– Это вам знать необязательно. Достаточно, что вас ко мне направил флаг-офицер флота... Еще раз заявляю вам по-хорошему: эту женщину из либавской цукерни выбросьте на головы!

– Нет, – ответил Артеньев, возмущенный.

– Ваше дело. Но... А вы не боитесь, – спросил его полковник, – вместо службы на «Новике» вдруг проснуться где-нибудь на острове Нарген или на береговых батареях Даго?

– Это провокация!

– Не знаю, как это называется. Но, – повторил полковник, – вы уже стали мешать нам...

– Не понимаю, кому это – «нам»?

– Раскрываю карты: контрразведке армии и флота.

– Я с этой богадельней дел не имел и иметь не желаю.

– Вполне пристойное заведение.

– Сомневаюсь.

– Не советую. Вам придется иметь с ней дело, если вы...

– Пошли вы к черту! – вспыхнул Артеньев, поворачиваясь.

– Этим не испугаете. Мы и не такое слышали...

Разговор велся на повышенных тонах, и в кабинет вошел Колчак. Кажется, он все слышал. И сейчас веско заметил:

– Я не вмешиваюсь в дела разведки. Но позволю себе заметить, что на эсминцах служат проверенные люди. Верные слуги монарха нашего... Сергей Николаич, разве это не так?

Артеньеву ничего не оставалось, как подтвердить.

– Именно так! – произнес он в сторону полковника.

Полковник устало вздохнул и вдруг засмеялся:

– Все это – высокие слова. А мы кормимся делом...

Из штаба Артеньев вышел в препоганейшем настроении. Что скрывается за прекрасной внешностью Клары? Отчего разведка всполошилась? И почему вдруг он стал мешать? Странно все это... На языке Артеньева тяжким жерновом уже ворочался вопрос, который завтра он задаст Кларе.

Первого мая Либава засыпала в тревоге: войска кайзера уже стояли в 26 километрах от города.

В эту ночь он плохо спал. Родные шумы корабельной утробы не успокаивали, как обычно, а – наоборот – раздражали его. Конечно, в его тридцать четыре года пить бром еще рановато, но под конец войны, очевидно, придется... В каюте было душно. Вентиляцию он не включал, чтобы не беспокоить соседей по каютам, встал и вышел под полубак подышать свежим воздухом.

Было тихо на рейде, и во всю ивановскую засвечивала над Либавой большая рыжая луница. Артеньев стоял возле борта в одной нижней сорочке, размышляя, глядел на темную воду. В такую неподобную майскую ночь, как эта, не хотелось верить, что второй год длится жестокая битва... Вдруг желтый свет луны исчез, рейд потемнел.

«Что такое?..» Артеньев поднял голову и увидел, что луну закрыла гигантская тень цепелина. Выключив моторы, дирижабль бесшумно протекал над кораблями. Он надвигался. Ближе, ближе... Артеньев выбросил папиросу за борт. Вдруг прямо над собой он увидел освещенные окошки гондолы. Теперь он слышал над собой выкрики немцев. Вот раскрылась в гондоле дверь. В ярком растворе ее показался силуэт человека. Этот человек вытянул руку, держа на весу каплевидную бомбу. И разжал пальцы...

– Боевая тревога! – с опозданием крикнул Артеньев.

Бомба достигла воды, под бортом эсминца вздыбило гейзер кипящей влаги и пара. Оглушенного взрывом, Артеньева бросило на ростры, и он потерял сознание. Когда же пришел в себя, призрак цепелина уже исчез, лишь где-то от берега глухо постукивали пулеметы... Острая боль прорезала плечо. Матросы раздернули на нем сорочку, и при свете фонаря Артеньев увидел, что на месте ключицы, разорвав кожу, торчит матово-розовая кость...

В госпитале ему сказали:

– Мы готовимся к эвакуации. Поезжайте в Ригу.

Ночь по-прежнему стояла над Либавой, а утренний поезд на Ригу отходил в четыре утра. С этим поездом Артеньев и отъехал, так и не повидав Клары. «Пусть ей снятся дивные сны...»

– Боже, – страдал он на полке вагона, – какая дурацкая история со мной... и какая дикая боль!

На нижней полке безропотно лежал раненый фельдфебель.

– Ништо, – говорил он, – видать, впервой чекалдыкнуло? Скоро привыкнете, ваше благородие. А уж потом и осерчаете вы.

– На кого? На кого мне сердиться? На графа Цепелина?

– Я с графьями незнаком. Мы, слава богу, не какие-нибудь городские шпингалеты – мы воистину тамбовские...

8

Артеньев в госпиталь ложиться не пожелал, а снял для себя номер в гостинице «Петербургская». Даже в этом он остался верен своей любви к старине: гостиница «Петербургская» навевала на своих постояльцев настроения прошлого. Здесь не было и зачатков канализации; прислуга по вечерам зажигала свечи; горничные в жестких фартуках, чопорные и чистоплотные, разносили кувшины с водой для умывания; из кружев их стоячих воротников торчали надменные рембрандтовские подбородки. А из окон виднелись старые постройки, в узости переулков затаилась притихшая дремучая древность. Кстати, драли с постояльцев за привкус истории втридорога, но... это закономерно и вполне оправданно, ибо дух времени почти материален – его можно, как вещь, продать и купить.

Рига в эти дни была чутким барометром положения на фронте. Стоило немцам усилить натиск, как на улицах ты слышал немецкую речь. Отбросили немцев назад – и улицы снова наполнялись русским и латышским говором. Латыши в этой острой ситуации служили мощным противовесом в немецком засилье. Но влияние онемеченного русского двора было столь сильным, что национальные чувства латышей предавались в угоду прибалтийскому дворянству.

Артеньев однажды столкнулся с непревзойденной наглостью прибалтийских баронов. Ехал как-то в трамвае на очередной сеанс рентгена. Первые места в вагоне занимали инвалиды с костылями. На остановке вошел типичный рижский немец, откормленный на угрях, миногах и пиве. На чистом русском языке он сказал калеке:

– Ишь, расселся. А ну встань, ты здесь не хозяин...

Артеньев, забыв про боль, схватил его за жирную глотку, опоясанную гуттаперчевым ошейником воротничка, и стал трясти:

– У, морда хамская! Сейчас выброшу под колеса...

И на повороте вышиб бюргера – спиной вперед – прямо на булыжники мостовой. Потом в неумном бешенстве наорал на инвалидов:

– А вы чего молчите? Возьми костыль и трахни по башке! Рига – русский город, и вы за него свою кровь проливали...

Как и каждый здоровый человек, верящий в силу своего организма, Артеньев избегал процедур, и лечение оттого затянулось. Он ходил по утрам завтракать в кафе на Бастионную горку, с высоты которой, попивая кофе, взирал на зеленеющий город. Два века назад здесь подавали не кофе с булочками, а ядра в петровские бомбарды... Петр I со шпагой в руке и сейчас стоял на Александерштрассе, в железной поступи ботфортов, обратясь свирепым взором на просвещенный Запад; темную бронзу, отлитую в мастерской Антокольского, поливали теплые дождевые шквалы, порывами налетавшие с моря.

Артеньеву было печально. «Неужели сдадим Либаву?» Но никогда не мелькала мысль, что можно сдать немцам Ригу...

Без корабля было тошно, и стала мучить тоска – почти зеленая, как раз под цвет мешанских обоев, затянувших стены номера непроницаемой лягушечьей скукой. Ночи были томительны. Но – странное дело! – думалось обо всем как-то хорошо, чисто и ясно.

В один из дней Артеньев решил вернуться на эсминец, не дожидаясь окончательной поправки. В конце концов, «дома и солома едома». С этим решением лег спать пораньше. За окном грохотал бурный ливень. Среди ночи он проснулся оттого, что ощутил на своих губах поцелуй. Перед ним, полусогнутая, вся в белом, словно привидение, склонилась фигура женщины. Сначала ему показалось, что он досматривает сон. Но влажные волосы женщины, коснувшись его лица, были теплы, от них исходил тонкий запах.

– Кто тут? – спросил Артеньев, растерянный.

Это была Клара – вся в порыве, в горячем стремлении куда-то вперед, только вперед, словно одержимая. Артеньеву показалось, что она слепа. Она глуха. Она почти безумна...

– Я спешу, – говорила женщина, – ты бы только знал, как я спешу. У меня осталась капля времени... на все!

– Включи же свет, – сказал он ей.

– Не надо. Не надо света.

В потемках комнаты он видел, как она разбрасывала вокруг себя белье. Тянула через голову вороха юбок. С треском отлетали крючки с корсета. Повсюду, словно сугробы девственного снега, свято и чисто сверкали холмы кружев. Белизна тела женщины вдруг резанула по глазам – почти болезненно, почти ослепляя. Рядом с собой он услышал ее прерывистое дыхание.

– Поезда на Либаву еще ходят, – страстно шептала она. – Ты слышишь? Я говорю тебе – поезда на Либаву еще ходят...

Он проснулся – уже одинок. Непостижимая и непонятная, Клара исчезла так незаметно, словно ее никогда и не было здесь. Будто не она, а бесплотная тень ее лежала вот тут, на этой подушке, источая запахи своих душных рыжеватых волос...

– Чудовищно! – произнес Артеньев, не зная, что думать.

Ни записки после нее. Ни следа туфель. Ничего.

И вспомнилась ее фраза: «Поезда на Либаву еще ходят...»

«Почему она мне это сказала?..»

Артеньев кинулся на вокзал, но было уже поздно. В окошечке кассы висела записка: «Поезда на Либаву не ходят».

– Почему нет либавского? – спросил он носильщика на перроне.

– А больше и не будет на Либаву... немец прется. Говорят, кавалерия ихняя крепко нажимает. Нашим не совладать.

Артеньев не мог (не мог!) оставить все так. Он должен был повидать Клару. Он добрался до Митавы, и там, в бывшей столице герцогства Курляндского, ему повезло: срочно формировался эшелон подкрепления из замызганных, крикливых стрелков. Затиснутый в тамбур, обкуренный махоркой, Артеньев к вечеру все же добрался до Либавы.

«Новик» уже покинул Либаву и – неужели навсегда? Корабли уходили на Виндаву; за их плоскими тенями, впечатанными в горизонт, отлетал прочь истерзанный ветром дым. Через опустелый город драпали батальоны ополченцев с крестами на шапках. А за Розовой площадью, в раскрытых дверях книжной лавки, гордо высилась, украшенная цейсовской оптикой, могучая грудь фрау Мильх. Издали через лорнетку она рассмотрела бегущего по улице Артеньева.

– О! Как вы и просили тогда, я отложила для вас второй том морозовского каталога... Война торговле не мешает.

Артеньев впопыхах, пробегая мимо, ответил:

– Благодарю, фрау Мильх, но я зайду... позже.

Почтенная матрона с издевкой произнесла ему вдогонку:

– Позже зайти вам уже вряд ли удастся...

В кофейне на Шарлотинской было пусто – столы перевернуты, витрины разбиты. Чья-то злорадная рука уже сорвала со стены карикатурный агитплакат, высмеивавший кайзера и принца Генриха... Ни души! Сергей Николаевич нанял коляску и велел погонять:

– На улицу Святого Мартина, дом госпожи Штранге!

Клара встретила его с удивительным спокойствием, как будто и не было никогда этой ночи в рижской гостинице. Артеьев с первого же взгляда заметил в ней перемену. Клара была разодета с вызывающей роскошью, в ней чувствовалась внутренняя собранность, даже некоторая настороженность. Он заговорил порывисто и бурно:

– Еще не все потеряно! Последний эшелон со станками заводов имеет три вагона для высших офицеров и их семей... Мы успеем! Бои сейчас идут пока на окраинах... Прошу, Клара... едем!

– Но я, – ответила женщина, – уже простилась с тобой. И ты знаешь... простилась очень хорошо.

– Не понимаю тебя. Почему ты так спокойна?

– Я не одна, со мною ребенок... квартира. Я остаюсь здесь.

– Выходит, мне лучше забыть тебя?

Клара шагнула к нему, крепко обняла, целуя.

– Да нет, нет... Я не хочу забывать тебя, а ты не забывай меня. Верь мне, дорогой: мы еще встретимся, но тогда все будет другое и я... я тоже буду другая! Иди же... не мешай мне сейчас!

– Мешать? Как я могу мешать тебе любовью своей?

– Ах, ну прошу – не мучай меня. Я совсем не думала, что снова увижу тебя... Я же простилась с тобой, уже простилась...

Город словно вымер. Со стороны парков слышалась стрельба. Последним прошел через Либаву штрафной матрос, отставший от своей части. Он волочил на сытом загривке пулемет «шоша». Матрос остервенело крыл по матери всех без разбору – офицеров, генералов и адмиралов, царя и себя самого. На Розовой площади матрос уставил сошки пулемета в землю, направил дуло его в ту сторону, откуда должны появиться немцы, и кричал в слепые окна домов:

– Смотрите на меня! Я вам, мать вас всех, покажу, как умирает русский матрос... Пусть только войдут!

Яркое весеннее солнце било ему в бритый затылок. Пробегая в сторону вокзала, Артеьев в вырезе форменки штрафника разглядел татуировку – жуткое тавро оскорбленной любви:

Итак, все кончено... Артеьев с трудом пробился в вагон. Поезд тронулся, дымя нещадно, он бежал сейчас мимо новой Либавы, и она прощалась тревожными гудками заводов и мастерских, в ответ паровоз прорезал рабочие окраины неистовым воплем.

«Либава, милая Либава... Как сказать тебе: прощай?»

В тесном коридоре вагона было не протолкнуться. Кавалерийский ротмистр с рукою на черной перевязи застрял в проходе с детской коляской, в которой лежали дети-близнецы. Ротмистра все ругали и все дружно сочувствовали ему. Он спас детей, но в суматохе поспешного бегства где-то потерял жену. Счастливицы, занявшие купе, дверей старались не открывать. Из тамбура торчали дула карабинов: там стерегли архивы какого-то штаба. Все было ненадежно и смятенно в этом поезде – последнем поезде из Либавы.

– Лейтенант Артеньев, – раздался голос, – идите к нам...

Каперанг Колчак, стоя в дверях, приглашал его в свое купе. Сергей Николаевич втиснулся в узкое помещение, где, кроме Колчака, сидели еще два представителя флотской элиты – контр-адмирал Бахирев и флаг-капитан князь Черкасский. В проходе стояли два громадных кофра, и Колчак пихнул их ногой:

– Вот единственное, что мне удалось спасти из своей квартиры. Сколько лет служил, обзаводился – и все пошло прахом... Хорошо, что успел заранее вывезти из Либавы жену с сыном! Садитесь.

Артеньев в этой компании чувствовал себя несколько скованно. И не только потому, что между плавсоставом флота и «флажками» всегда существовал некоторый антагонизм. Даже если отбросить это чувство традиционной неприязни, то все равно – Артеньев был ничто по сравнению с этими людьми, стоящими у пульта управления Балтийским флотом. Именно они, самоуверенные и настойчивые, планируют операции, посылая на смерть корабли и команды... И потому Артеньев решил помалкивать.

Страшным ревом паровоз покрывал крики отчаяния...

– Миша, – сказал Колчак князю Черкасскому, – доставай коньяк. Кто тут самый молодой из нас, чтобы открыть бутылки?

Артеньев извинился, что хотя и моложе всех здесь присутствующих, но открыть не может – ключица еще не зажила, каждое движение причиняет острую боль. Адмирал Бахирев, весь в молчаливой суровости, раскатал бутылку по полу, треснул ее дном по столу, и пробка вылетела, а коньяк зашипел, как шампанское.

– Наливайте, – сказал Бахирев, поворачиваясь к Артеньеву. – Ну, как вам нравится наше спасение примитивным бегством?

– Унизительно!

– Это верно, – согласился Колчак, раздергивая пуговицы на своем мундире. – Мы, русские, бегать от врага не приучены. Скажу больше: теперь, вслед за падением Либавы, можно ожидать и сдачи Виндавы... Две базы подряд! Кто бы мог подумать?

– А кто виноват? – тихо спросил Артеньев.

– Не я, не вы, – резко отвечал князь Черкасский. – Виноваты повыше нас... мерззавцы! Россия настолько великая страна, что судьбу ее нельзя доверять бездарностям... Между нами, лейтенант, император у нас полный невежда. Это глубоко между нами. Россию могут спасти лишь бурные катаклизмы реформ.

– А я не против царя, – произнес Бахирев. – Но ему не хватает умного окружения. Кого он там слушает? Своего флаг-капитана Костю Нилова, который с утра до вечера не просыхает от выпивки?

– Дело не во флотском командовании, – отвечал Черкасский в раздражении. – Дело в управлении всем русским государством.

А за окном пролетала курляндская ночь, вдруг ставшая враждебной. Снопы искр из паровозной трубы отбрасывало назад горстями, иногда они прилипали к оконным стеклам. Колчак глушил коньяк на британский манер – не пьянел, только бледнее становилось его лицо, кстати отлично выбритое даже в панике эвакуации. Пробор на его голове был и сейчас идеален, как у лондонского клерка, дорожащего своей службой. Он пытался увести разговор от вопросов политики – переставить его на рельсы стратегии. Но за его оперативными рассуждениями,

продуманными и обоснованными, лейтенант Артеньев невольно разгадал и угрозу изменений в политике.

– А дальше что? – спрашивал Колчак. – Дальше будут для нас Ирбены, в которые немцы скоро залезут. Мины вряд ли удержат их, партия траления у Хиппера опытная. Пройди они Ирбены, а там уже и Рига! Из Рижского залива прямой путь – на Моонзунд... Выпьем же, господа, за здоровье нашего адмирала Николая Оттовича фон Эссена, – пока старик у руля, флот еще себя покажет!

– Саня, – отвечал ему князь Черкасский, – все это так, но ты стрелял не с того борта... Каковы бы ни были у нас флотоводцы, но спасти Россию они не могут. Нужны люди, страдающие за всю Россию, люди, ищущие путей к повороту.

– Брось, князьинька! – рассердился Бахирев. – Да и где ты собираешься искать этих людейшек?

– Только не в Зимнем дворце, – ответил Черкасский. – Их следует искать в Таврическом дворце... Да, да! И они сыщутся. Такие, как Гучков. Такие, как Милуков. Наконец, даже думский хулиган Пуришкевич – он тоже понимает, что так жить дальше нельзя!

– Надо спасти монархию, – сказал Бахирев, сопя.

– Надо спасти Россию, – сказал князь Черкасский.

– И то и другое, – добавил Колчак. – А вы, лейтенант, чего не пьете? Или у вас какая-то иная точка зрения?

– Нет. Я просто устал. Извините, господа.

– Вы знаете, где сейчас ваш «Новик»?

– Наверняка проходит сейчас траверз Цереля.

– Верно. Утром он будет стоять уже в Больдер-Аа... Если устали, можете прилечь. Мы еще посидим, Рига не скоро...

Артеньев лег на полку, попутчики его перешли на шепот, словно заговорщики. До Сергея Николаевича иногда долетали их слова: «царь... дураки... флот... Эссен... Гучков... Распутин!» «Да, – размышлял Артеньев словами Гамлета, – не все благополучно в королевстве Датском... Либава еще не конец, Либава – это только начало». Много было разных ночей в жизни старшего лейтенанта Артеньева, но эта вот ночь (ночь бегства из Либавы) была почему-то для него самая ранящая, самая беспросветная. Она заставила его задуматься о судьбах России, которая – почти вся! – виделась ему с высокого мостика «Новика»...

На рижском вокзале нанял извозчика, и тот не спеша потащил его в Задвинье и еще дальше – в поселок Больдер-Аа, где размещалась крепость Усть-Двинск, которую офицеры флота привыкли называть на старый лад – Дюнамюнде... Артеньев отпустил коляску около станции. По спящим улочкам, мимо дачных домишек, в окнах которых буйно зацвели герани, он вышел, купая ноги в мокрой траве, к заводям речных проток.

Сиреневые куши нависали над водою, ветви черемух брызгали ночную росу на палубы усталых тральщиков.

«Новик» издали подымливал из труб – невозмутимо, будто ничего не случилось. Вахтенным на сходне дежурил сигнальный старшина Жуков, и он был, кажется, единственным человеком на замертво уснувшем после похода корабле. Отхлестываясь от комарья ольховой веткой, Жуков сказал:

– С прибытием, господин лейтенант. Ну, как? Вылечили?

– Вылечили, – ответил Артеньев, вспомнив разговоры в купе. – Ото всего сразу и... навсегда!

На тихих водах Больдер-Аа убаюкивало усталый «Новик». Сейчас в этих пресных водах на днище эсминца быстро отмирали едкие морские организмы. На их место – к стали бортов – жадно присасывались всякие пресноводные. Но и они вскоре умрут, попав в соль морских вод... «Новик» словно проходил дезинфекцию корпуса!

И, шагая по палубе, Артеньев думал, что хорошо бы и ему сменить стоянку, дабы с души безболезненно, как с корабля, отпали давние наросты обид, тревог и сомнений...

9

Гинденбург вытеснил русских из пределов Восточной Пруссии; гладенькие паркеты германских шоссе кончались почти обрывом – прямо в непролазную грязь русско-русского бездорожья.

Последний на штык насажен.
Наши отходят на Ковно.
На сажень
человечьего мяса нашинковано...

Пятый день
в простреленной голове
поезда выкручивают за изгибом изгиб.
В гниющем вагоне
на сорок человек —
четыре ноги.

Правда, в это время Брусилов занял на юге Перемышль, но... какой ценой? По слухам, на одно наше орудие отвечало 40 пушек дивизий Маккензена. На южных фронтах творилось что-то преступное по своей бестолковщине. Совсем уж дураками были, когда ввели новое генерал-губернаторство в Галиции со столицей в древнем Львове. Навезли туда всю шушеру столичных чиновников, по углам расставили городских... Зачем? Чтобы, показав галичанам всю мерзость жизни русской, тут же бежать обратно?

Теперь люди знающие не сомневались, что Львов будет сдан. А тогда под угрозой окружения окажется вся русская армия в Польше. Варшава уже в смятении. Никто толком ничего не знает, но зачем-то стали вывозить из Польши миллионы евреев. От этого 120 тысяч вагонов заняты под еврейские кагалы, а на фронте мрут солдаты, и нет эшелонов, чтобы вывезти в тыл раненых... Абсурд, но это быль – жестокая быль! Министры утверждают, что вывозят евреев за то, что они пропитаны прогерманскими настроениями. «Если это так, – пишут газеты, – то не лучше ли всех евреев и оставить немцам в подарок?..»

Тремя клиньями, царапая зеленую землю, вторгалась в Россию кайзеровская армия. А пока Россия истекала кровью, добирая со складов последние портянки и вывозя из парков последние снаряды, Антанта неустанно накапливала свою боевую мощь. Быстрыми темпами во Франции и Англии развивалась военная индустрия. Борьба шла на истощение – сначала России, потом Германии...

Германские подводные лодки начали «неограниченную» войну: кайзер разрешил им топить всех. И сразу была взорвана «Лузитания» – эта кузина печально памятного «Титаника». Немцы отлично знали, что на этих лайнерах есть даже висячие сады Семирамиды, но зато безобразно налажена служба спасения пассажиров. Германская субмарина ударила торпедой в корабль, который спешил из Нью-Йорка, оглушенный музыкой своих баров; люди на «Лузитании» беспечно снимали кожуру с апельсинов, флиртовали, купались в бассейнах с теплой

водой и дурачились на теннисных кортах. 1200 пассажиров, большая часть которых – дети и женщины, отправились на грунт, и мир вздрогнул от звериной жестокости расчетливого убийства.

К несчастью для немцев, в массе погибших на «Лузитании» было и 140 пассажиров американского происхождения. Среди них плыл в Европу и всемогущий миллионер Альфред Вандербильт, что ускорило протест президента США Вильсона Германии...

На кораблях русского флота, которые уже не раз сталкивались с наглостью и безжалостностью германских подводников, офицеры рассуждали:

– Сейчас кайзер, конечно, отступит, ибо Германии опасно иметь своим противником страну с таким колоссальным экономическим потенциалом... Однако, господа, черт знает во что стала вырождаться благородная морская война!

Утром под струями обильного дождя в притихшую Либаву уже входили завоеватели. В зачехленных серым полотном шлемах «фельдграу», над которыми торчали воинственные шишаки, отлично одетые, с железной дисциплиной, войска кайзера упоенно распевали:

Суп готовишь, фрейлейн Штейн,
дай мне ложку, фрейлейн Штейн.
Ихо-хо-хо!
Ихо-хо-хо!
Очень вкусно, фрейлейн Штейн,
суп готовишь, фрейлейн Штейн...

На центральной площади города лежал мертвый матрос, убитый выстрелом в лицо. Его оттащили за ноги в сторону и бросили в траву сквера, чтобы не мешал торжественному проходу войск. Из подвалов завода «Линолеум», с крыши пробочных мастерских стучали по немцам редкие залпы – это стреляли рабочие-латыши, которые с молоком матери впитали в себя ненависть к германцам (ненависть ветхозаветную – еще со времен крестоносцев). В миготне прожекторов и грохочущем реве котельных вентиляций на Либаву уже двинулись германские крейсера – серые, будто их густо обсыпали золой и пеплом.

Вслед за передовыми частями въехал в Либаву заляпанный грязью автомобиль, в котором восседал принц Генрих Прусский, брат кайзера. Принц этот в чине гросс-адмирала командовал немецкими морскими силами на Балтике. Глаза у Генриха – как две электрические лампочки (такие буркалы – наследственная черта мужских представителей разбойного рода Гогенцоллернов). Автомобиль, визжа шинами по разбитым стеклам, завернул от Розовой площади – прямо в гавань. Пересев в катер, поданный к причалу, принц обошел корабли своей эскадры. С палуб крейсеров ему кричали экипажи, выровненные столь идеально, словно отбитые по шнуру вдоль черты горизонта:

– Хох-хох-хох! Хайль... хайль!

Принц Генрих со знанием дела осмотрел акваторию гавани.

– Отличный порт, – сказал он. – Теперь часть флота из Киля может перенести базирование непосредственно на Либаву: отсюда, из Либавы, мы имеем быстрый и решительный выход на стратегический простор Балтики... Русские ротозеи еще не раз всплакнут, вспоминая этот чудесный городок, в котором столь сильна германская культура. Я доволен... мой брат кайзер – тоже!

Флот кайзера сразу же начал сжиматься в бронированный кулак, чтобы – через Ирбены – таранить ворота Риги, сбить их с древних ржавых петель, и тогда... О, именно тогда перед

германским флотом откроются ворота проливов Моонзунда, за которыми прямая дорога – на Петроград!

Войска кайзера волна за волною накатывали на Либаву, на улицах которой ликовало курляндское дворянство. Сколько вынесли бароны портретов Вильгельма II, сколько было возгласов во славу германской армии, сколько брошено цветов под ноги солдат, сколько роздано поцелуев либавскими бюргершами... Солдаты пели:

Лишь подвернись нам враг —
перешибем костяк.
А если не замолк —
добавь ему разок...
Ихо-хо-хо!
Ихо-хо-хо!

Впрочем, сама Либава со вступлением немцев мало изменилась. Дворники быстро привели улицы в порядок, стекольщики застеклили разбитые окна и витрины. Только известная в Либаве кондитерская кофейня «Под двуглавым орлом», сообразно политической ситуации, стала теперь называться на прусский лад – «Под одноглавым орлом». В витрине ее так же, как и раньше, были расставлены заманчивые корзиночки с марципанами. Прохожие невольно останавливались, чтобы обгладеть новое произведение искусных кулинаров: торт – портрет кайзера, целиком слепленный из кремов, с глазами и усами, сделанными из довоенных запасов бразильского шоколада... А на дверях цукерни появилась теперь броская табличка: «Здесь обслуживают господ германских офицеров».

Ихо-хо-хо!
Ихо-хо-хо!

Ганс фон Кемпке, лейтенант с крейсера «Тетис», появился в кофейне «Под одноглавым орлом» как раз в тот день, когда комендант Либавы приказал срочно убрать из витрины торт с изображением кайзера. Он был прав: любой прохожий, увидя этот шедевр кулинарии, забывал о величии германского императора, испытывая лишь одно желание – взять ножик, чтобы от левого уха до правого аккуратно расчленить кайзера на куски, согласно количеству гостей, а шоколадные усы Вильгельма оставить до рождества своим детишкам...

Лейтенант фон Кемпке, пройдя в гостиную, отцепил от пояса звенящую саблю. Лезвием десертного ножа постучал в поющую грань хрустального фужера. Он был нетерпелив и – как истинно прусский офицер – требовал к себе неограниченного внимания.

– Кельнер! – позвал он, еще раз осмотрев себя в зеркале.

Да, сегодня он великолепен, как никогда. Вряд ли какая женщина устоит перед его тевтонскими чарами. Еще на дредноуте «Прессер Курфюрст», где раньше он служил башенным начальником, фон Кемпке имел славу неотразимого обольстителя. Четыре триппера, залеченные на казенный счет в клинике Вильгельмсафена, – это прекрасный показатель его успехов! Теперь следовало завоевать славу Дон-Жуана для кают-компании крейсера «Тетис». И сейчас, сидя в лучшей цукерне Либавы, лейтенант обжидавело вдыхал с кухни запахи булочек. После серых корабельных столов, накрытых (ради бережливости) клеенками, ему была – как когда-то и Артеньеву – приятна очаровательная белизна кувшина для сливок.

– Кельнер, черт побери! Долго ли я буду ждать?

За спиной лейтенанта жестко прошуршали кружева:

– Что угодно господину офицеру?

Кемпке обернулся и обомлел: перед ним стояла красавица кельнерша с выпуклой грудью. Губы ее трепетно улыбались. А глаза (ах, какие это были глаза!) оставались слегка печальны.

– Кофе, – сказал ей Кемпке в том повелительном тоне, каким он на крейсере приказывал подать боезапас на башню. – Конечно, с коньяком. И корзиночку марципан... как можно быстрее!

– Для немецких офицеров, – последовал приятный ответ, – у нас имеются и марципаны. А для русских свиней была только водка с пивом и селедка с огурцами.

– О! – воскликнул фон Кемпке, обрадованный. – Кажется, милая фрейлейн за что-то сердита на русских?

На глазах кельнерши висели слезы:

– Русские способны делать несчастными порядочных женщин...

Сейчас лейтенант даже пожалел, что поспешил отстегнуть от пояса саблю, которая так украшала его бесподобное мужество. Впрочем, сабля стоит рядом с ним, и красавица, кажется, уже ее заметила.

В разговоре она случайно назвалась Кларой Изельгоф.

– Вы немка? – умилился Кемпке.

– Наполовину. Но... знали бы вы, как я рада видеть в Либаве германские корабли. Поверьте, не только я, но и все порядочные люди, которые хотят порядка, давно ждали солдат нашего кайзера. Только босяки из предместий заодно с русскими... фуй! Я терпеть не могу латышей...

Коньяк привел Кемпке в воинственное настроение.

– Теперь эта земля наша, – говорил он так, чтобы его могла слышать вся цукерня. – Мы, крестоносцы двадцатого века, вернулись на землю своих пращуров. Всех русских – вон! Всех латышей – к ногтю! Где ступила нога германца, там уже начинается великая Германия... фрейлейн, – распорядился он, почти вдохновенный, – еще четыре килограмма сливочного масла, заверните его отдельно в пакет для отправки в Германию и можете подавать счет. Германский офицер понимает щедрость друзей, которых он освободил от ига русских варваров, но германский офицер никогда не ест и не пьет даром... Итак, счет. Счет, фрейлейн!

Клара Изельгоф выписывала ему счет, а он победно оглядывал гостей кофейни. Наконец счет был ему предъявлен:

Чашка кофе 70 марок,

коньяк 220 марок,

ложка сахара 40 марок,

марципаны 580 марок,

Итого 910 марок + за масло

еще 1318 марок = 2228 марок

Неотразимый мужчина от такого счета сильно вспотел.

– Ну да! Я понимаю, – сказал он величаво. – Это ведь расчет на оккупационные марки... Иначе и быть не может! Такие цены! С чего бы такие цены, как в Германии?

– Я не виновата, – с милой улыбкой отвечала кельнерша. – Но цены с вашим приходом в Либаву страшно выросли. А наше кафе только для немцев, и мы берем только имперскими марками.

Позор был велик, и от прежнего величия ничего не осталось. Так хорошо сидел, так красиво говорил, так его внимательно слушали, и вдруг... счет! Убийственный, оставляющий победителя без штанов.

– Масло я уже не беру. Я раздумал... проживут в фатерланде и без масла. Должны дома понять, что я воюю, и мне, значит, не до масла. И кажется, – соврал Кемпке, – я забыл свой

бумажник на корабле. Надеюсь, фрейлейн, вы не заподозрите германского офицера в сознательном уклонении от расплаты за выпитое и съеденное?

Он домчал на извозчике до гавани, взял жалованье за четыре месяца вперед и – взмыленный от поспешности – честно расплатился за свое бахвальство. По дороге до кофейни Кемпке тщательно обдумал ту фразу, которую он выложит перед госпожой Изельгоф.

– Фрейлейн Клара, – сказал он кельнерше, откровенно обозревая ее шею, локоны, руки, грудь. – Вы столь дорого обошлись мне за завтраком, что я теперь не могу не обложить вас дополнительным налогом за ужином.

– Каким же, герр лейтенант? – покраснела красавица.

– О! Вы и сами должны бы догадаться...

– Но я скромная провинциалка... мне догадаться трудно.

– Прошу у вас свидания. Немедленного!

– Благодарю вас, герр лейтенант, за честь, мне оказанную. Какая женщина в Либаве откажет в свидании доблестному германскому офицеру?..

Вечером они уже гуляли по улицам и паркам, оглушенным бравурной музыкой солдатских оркестров. Клара Изельгоф, удивительно нарядная и эффектная, не задержалась возле той липы, на коре которой, словно по живому телу, было вырезано ее имя в сочетании с именем лейтенанта Артеньева...

Будьте же счастливы, моя дорогая! У меня не поворачивается язык, чтобы назвать вас обычной портовой шлюхой.

Финал к Либаве

«Новик» стоял на рейде Аренсбурга – столицы провинции острова Эзель; открытый с зюйда рейд имел песчаный грунт, якоря отданы на глубине в восемь сажень за семь миль от берега. Неожиданно их навестил адмирал Трухачев, начальник Минной дивизии.

В каюте Артеньева он попросил себе чаю. Сказал:

– Вот так-то, дорогой мой... Я уж думал, что выйду в отставку, буду каждодневно шляться на угол Восьмой линии, знаете, на Васильевском острове такой шалманчик Бернара, где собираются по вечерам отставные адмиралы...

И замолчал, сосредоточенный. Помрачнев, Трухачев добавил:

– Там, в Ирбенах, как докладывают с моря, стали всплывать трупы с погибших кораблей. У вас скорость приличная. Сбегайте до Ирбен и обратно. Понимаю, Сергей Николаич, задание не из самых приятных, но... нельзя, чтобы они там болтались!

– Павел Львович, о чем разговор? – отвечал Артеньев с готовностью. – Если служба требует того, будет исполнено!

Пошли подбирать. Трупы плавали, как правило, лицами вниз, крестоподобно распластав руки и ноги. Руки мертвецов зачастую лежали на поверхности воды, будто усталые до изнеможения люди облокотились на стол. А ноги были уже объедены хищной корюшкой. Среди прочих трупов подобрали один – какой-то непонятный. На брезенте он стал расквашиваться, словно студень на сковородке. Чуть тронь – расплзается, как мыло, долго пребывшее в воде.

– Да это не наш! – догадались на «Новике». – Видать, еще с прошлой осени немак с тральцов. Илом его засосало, а потом при взрывах заодно с нашими подняло... Наши-то – свежаки!

Чужого мертвеца лопатой, словно навоз, сгребли обратно за борт, а русских уложили рядком на корме – вдоль тех самых рельсов, по которым покойники не раз скатывали на своих кораблях мины. Накрыли убиенных парусиной. Дали полный ход. Спешили поскорее доставить их на базу, чтобы избавиться от неприятного груза.

«Новик» шел в Аренсбург с приспущенным флагом...

– Я уже не думаю, как бы мне хорошо прожить, – сказал Артеньев на мостике. – С некоторых пор я стал больше заботиться – как бы мне хорошо помереть...

На берегу мертвецов раскладывали по гробам. Ставили на дроги. Гарнизонный оркестр Аренсбурга сопровождал их до кладбища. В почетном карауле шагом мерным, с отяжкой ноги назад (как ходят только моряки), следовали за гробами матросы и офицеры. Буйно зацвели сады. Дул ветер с моря. Дорога тянулась в гору.

Когда Артеньев вернулся с похорон, в каюте его ждало письмо. И он был поражен тем, что писала Клара... Из Либавы до Аренсбурга, через все фронтовые кордоны, через водные хляби Ирбен – она донесла свой тоскующий голос. Ничего в письме, кроме слов любви, а в конце письма, обведенные кружком, стояли ее слова: «Это место я поцеловала».

Перед глазами Артеньева еще тянулась долгая дорога на кладбище, и он медленно снял с рукава траурную повязку. Черная тесьма легла поверх письма любящей женщины...

Был как раз воскресный день. Со стороны бульваров Аренсбурга доносилась музыка. Это гарнизонный оркестр прямо с кладбища завернул в городской парк, где и начал солнечную мазурку.

Случилось ли что? А может, и ничего не случилось...

Часть вторая. Прелюдия к беспорядкам

*...Скитальцы морей – альбатросы,
застольные гости громовых пиров,
орлиное племя – матросы,
матросы...
Вам песня поэта. Вам слава веков.*

Влад. Кириллов

Ранней весной 1915 года Эссен вывел линкоры из Гельсингфорса на практические стрельбы. В шхерах дредноуты громоздили перед собой голубые торосы льда. Комфлот держал флаг на «Императоре Павле I», финские буксиры, пытая от усилий, вытягивали на дистанцию боя плавучие щиты, обреченные артиллерией на разгром и потопление.

Эссен всегда был нетерпелив – флагарт Свиный не успел и рта открыть, как адмирал уже велел залпировать главным калибром, лично скомандовав данные к прицелу. И вдруг, из «ласточкина гнезда» – от самых марсов, где над бездною качались дальномерные трубы, – послышался в телефонах голос матроса:

– Ой, неверно! Бери два кабельтова больше.

Эссен постервел после такой поправки, а башни линкоров уже изрыгнули лавину огня. Болванки снарядов унеслись к щитам.

– Неделет! – донеслось с мачтовых высот. – Давай, говорю, ставь на два больше... тогда не смажешь!

Возмущенно загалдели в рубках штабные «флажки»:

– Какой-то матрос и смеет так нагло... самого адмирала!

– Он прав, – сказал Эссен и велел внести поправку.

Башни линкоров снова извергли огонь, и служба на визирах сразу отметила накрытие. После отбоя стрельбам Эссен завращал рыжими глазами, крича дальномерщику:

– А ну, слезай сюда... корректор паршивый!

«Сейчас быть морде битой». Молодцеватый матрос с выпуклой грудью проворно соскочил с мачты на ходовой мостик.

– Как зовут? – рявкнул на него комфлот. – Павел Дыбенко, ваше превосходительство.

Эссен взял матроса за ухо:

– Так вот что я скажу тебе, дорогой Дыбенко: или ты у меня в тюрьме насидишься, или... быть тебе на моем месте!

– Так точно, мы ведь способны и на то и на другое.

«Ну вот, сейчас врежет по уху...» Но Эссен, сердито сопя, раскрыл кошелек и подарил Дыбенке серебряный рубелек:

– Сукин ты сын! Хвалю за честность. Получи на гульбу...

Русско-японская война, столь неудачная для России, была, по сути дела, тем кремнем, на котором оттачивали свое флотское оружие все великие морские державы. Из печального опыта перевернутых кверху киями витязей-броненосцев, из геройской гибели «Стерегущего», из обороны Порт-Артура – немцы, англичане, французы (а также и сами русские) делали торопливые выводы, загружая работой свои верфи, заводы и лаборатории. Окончательно набрать

боевую мощь исполина русский флот должен был по плану лишь в 1920 году, но... война не стала ждать, и все программы на будущее достались уже Советской власти.

Англия – из трагических выводов Цусимы – породила морское чудовище по имени «Дредноут» («Ничего не боящийся»), и это имя сделалось нарицательным для большинства линейных кораблей, в генеральной мощи которых мир тогда еще не сомневался. Однако, подобно тому, как автомобиль вытеснял на обочину дороги лошадь с телегой, так и подводная лодка уже выходила в атаку на дредноуты, чтобы торпедами подорвать непререкаемый авторитет «ничего не боящихся».

Все спорные проблемы, которые накопились в XIX веке, империализм разрешал в начале века XX, и первая мировая война стала для военных людей почти откровением, ибо штабная мысль не могла угнаться за бурным развитием сил материальных. Под палубами уже рокотали турбины, стучали клапаны дизелей, корабли сосали бензин и мазут, электроток и гидравлика проворачивали башни орудий, а в душе адмиралов еще не умерло желание выстраивать эскадры в одну линию, как во времена Нельсона. Нельзя обвинять в отсталости русских адмиралов – ошибки англичан и немцев в борьбе на море порою были еще ужаснее, еще грубее. В Цусимской битве японский адмирал Того удачным маневром охватил «голову» эскадры Роже-ственского – и британские адмиралы теперь без конца будут повторять этот маневр, для исполнения которого в Англии изобрели даже особый класс кораблей – линейных крейсеров, вся задача которых – разбить авангард противника.

Русский флот по тем временам был передовым флотом мира, а жидкое топливо уже открывало перед ним обширные пространства океанов. Используя захваченные на «Магдебурге» германские шифры, русские заранее угадывали намерения врага и предупреждали о них союзников. Артиллерия флотов резко увеличила свою мощь, но... увеличились и дистанции боя. Наступило шаткое равновесие: количество попаданий в цель оставалось на том же уровне, как и в русско-японской войне. Три попадания из ста выпущенных снарядов – это считалось большой удачей (даже гордились!). В первой мировой войне уже обозначился кризис нарезной артиллерии, и этот кризис оформился лишь к концу второй мировой войны (весною 1945 года в битве за Берлин советская артиллерия исполнит торжественный реквием многовековой славе пушек).

Мировая бойня за передел мира еще не началась: не мог решиться на войну Вильгельм II в Потсдаме, боялся ее Николай II в Царском Селе – ее открыл из Гельсингфорса адмирал Эссен.

– Почему молчит царскосельский суслик? – рвал и метал он, разбрасывая мебель по каюте. – Пусть срочно сообщат мне о политическом положении. Если ночью не получу ответа, я утром начну вываливать за борт все мины, какие найдутся на складах флота...

Ответа не было (войны – тоже). Балтийский флот вышел в море и уже завалил минами пространство от Наргена до Порккала-Удд – от Финляндии до Эстляндии, когда Петербург дал Эссену телеграмму-молнию – вне всякой очереди: «Война объявлена, тчк быстро ставьте мины тчк».

– Я сам водрузил себе памятник... вот он, ни на что не похожий! – И адмирал Эссен указал с мостика на кипящие воды Балтики, в которых сразу стало тесно и жутко от густоты минных банок.

А теперь он умирал. В чине вице-адмирала. В возрасте пятидесяти пяти лет. Диагноз – крупозное воспаление легких. Эссен простудился на переходе от Ревеля... Николай Оттович лежал в бронированной глухоте флагманского крейсера «Рюрик» – на койке, зачехленной славным андреевским флагом. Годами не сходявший с палуб кораблей, он не пожелал умирать на берегу.

– Я не собака! Комфлот отдаст концы на своем флагмане...

Клопоча бронхами, адмирал подозвал к себе Ренгартена:

– Скажи хоть ты... правду... Где сейчас германский флот?

Ренгартен скрыл правду от умирающего и отвечал уклончиво, что эскадры принца Генриха лишь на подходах к Либаве.

– Ирбены под ударом, – прохрипел адмирал Эссен. – Как жаль, что я подыхаю. Теперь зубами цепляйтесь за Ирбены и Ригу, в бетон и сталь надо одеть мыс Церель... Держитесь! Иначе всех вас продует через трубу Моонзунда, как пушинку через воздуховодку...

Перед смертью Эссен настойчиво заговорил о своем преемнике, при этом он стал сильно волноваться:

– Никого, кроме Колчака... только Колчака можно ставить над флотом! Радируйте в Ставку: пусть срочно дают ему чин контр-адмирала и ставят на мое место... Он справится, я верю!

Император не решился поставить Колчака над флотом.

– Он же молод, ему всего сорок, – указал Николай II, – а есть на флоте люди с большим цензом, для которых подобное назначение покажется обидным... даже оскорбительным, господа!

Балтийским флотом стал командовать Василий Александрович Канин – неприметный вице-адмирал с лицом разочарованного в жизни учителя из провинции. В кают-компаниях кораблей (под рвущую нервы музыку Шопена) царило всеобщее уныние. Флаги эскадр были приспущены. На плоских корабельных ютах служили панихиды.

Офицеры негромко переговаривались:

– С кончиною Эссена флот осиротел, мы потеряли опытного стратега. Николай Оттович не виноват, что кайзер отодвинул нас к Ирбенам. В любом случае вторая военная навигация будет сложной...

А в нижних палубах – совсем иные разговоры:

– Братишка эссенский в Германии тоже флотом командует. Эссен ему все наши секреты и выдал за четыре тыщонки с походом.

– А мне, братцы, писарь сказывал, будто Колчак об измене Эссена в Ставку донес. Эссен со страху мышьяку крысиного в стакане с водкой развел – и хлестанул натошак без всякой закуски.

– Братва, я больше всех вас знаю.

– Ну?

– Колчак-то сам на эссенское место карабкался.

– Рази?

– Ей-ей...

Эссена не стало. Умер талантливый флотоводец. Именно Эссен из собрания кораблей различной классификации сумел выпестовать флот – как единую боевую организацию. Именно он приучил корабли ходить там, где никто не ходил раньше – из страха распороть днище о камни. При Эссене минное дело было поставлено как нигде в мире. Эссен добился того, что артиллерия русских кораблей накрывала противника почти с первого залпа...

Советская историография высоко оценивает заслуги Эссена как флотоводца. Любимый ученик адмирала Макарова, он «никогда не подавлял самостоятельности и инициативы своих подчиненных, к которым всегда относился с большим уважением...». Многие полезные из тактики Эссена позже было принято и на вооружение советским флотом.

Перед смертью он видел себе замену в Колчаке, но комфлот никогда не думал, что матрос, получивший от него рублишко на пропой, займет его флагманское место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.